

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1
(6)
ВЕСНА — ЛЕТО
2007

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Ю.А. Иоаннесян.* Послания монархам и правителям
и некоторые другие Послания Бахауллы 5
- Ю.В. Болтач.* Биография монаха Тань-ши в «Хэдон
косын чон» и «Лян гао сэн чжуань» 15
- Ч. Белл.* Правительство Тибета. Отчет.
Публ., введ. и пер. с англ. *Н.А. Вуля* 30

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Федорин.* Некоторые итоги изучения «Полного
собрания исторических записок Дайвьета» —
центрального памятника традиционной вьетнамской
историографии 67
- А.Г. Грушевой.* К истории изучения в России Талмуда
и периода его создания 87
- И.И. Надиров.* Рука и жест как божественный символ
и амулет (по эпиграфическим и нарративным источ-
никам Ближнего Востока) 100
- И.С. Гуревич.* Текст «Сань чао бэй мэн хуй бьянь»:
еще одна разновидность *юйлу* 108
- Е.В. Ревуненкова.* Малайская рукопись Крузенштерна
и ее культурно-историческое значение 118
- Ши Шу.* Несториане в Китае — врачи Чун И и Цинь
Мин-хэ 148
- С.В. Пахомов.* Тантра и веда 151

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2007

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.П. Глушкова.* Паломничество: за и против.
Голоса «святых поэтов» Махараштры 165
Э.Н. Тёмкин. Слово о Бхамахе 199

КОЛЛЕКЦИИ

- О.Ф. Акимушкин.* К истории формирования фонда мусульманских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН 208
И.Ф. Попова. О первых поступлениях китайских книг в Российскую академию наук и их каталогизации в XVIII в. 230
И.Ш. Шифман. Основные этапы развития семитологии в России до 1917 г. Подготовка к изд., введ. и примеч. *А.Г. Грушевого* 246
Письма Ю.Н. Рериха В.Ф. Минорскому, 1943–1957 гг. Предисл., публ. и примеч. *А.И. Андреева* 266

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- На четвертой сторонке обложки: *А.А. Гурьева, И.М. Дьяков.* Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы 304
Персидская миниатюра «Шах Аббас II Сефевид на соколиной охоте» из собрания СПбФ ИВ РАН *С.В. Пахомов.* Третьи Торчиновские чтения 307

РЕЦЕНЗИИ

- Ырк битиг: Древнетюркская гадательная книга. Пер., предисл., примеч. и словарь В.М. Яковлева (*Л.Ю. Тугушева*) 309
Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии (Абхидхармакоша) (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 311
Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов (*Т.А. Пан*) 314

IN MEMORIAM

- Станислав Калужинский (1925–2007) (*Н.С. Яхонтова*) 317

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
О.Д. Деопик
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
В.И. Мартынюк
О.В. Волкова
М.К. Киселева
Л.В. Халатова
И.И. Чернышева
М.П. Горшенкова
А.В. Богатюк

© Российская академия наук, 2007
© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения, 2007

Е.В. Ревуненкова

Малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение

Описание рукописи

В Архиве Института востоковедения в Санкт-Петербурге хранится рукопись под названием «История малайцев с древнейших времен до завоевания Малайи португальцами» (шифр Р1, оп. 5, ед. хр. 8 и 9), привезенная великим российским мореплавателем Иваном Федоровичем Крузенштерном. Ей посвящены две очень содержательные статьи А.М. Куликовой, вышедшие первоначально в виде самостоятельной публикации, а затем, с некоторыми дополнениями и измененным названием, — в виде приложения к описанию малайских рукописей в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР¹. Изучив архивные материалы, труды ученых, посвященные истории Азиатского музея, биографию и дневниковые записи И.Ф. Крузенштерна, А.М. Куликова представила историю появления этой рукописи в Санкт-Петербурге, проследила путь движения ее от Библиотеки Академии наук в Азиатский музей, а также дала подробное архивное описание рукописи.

Свои публикации исследовательница начинает с того, что ее сообщение может заинтересовать специалистов, занимающихся изучением Юго-Восточной Азии, и представляет значительный интерес для малайистов. Данная статья — свидетельство того, что рукопись заинтересовала малайста. Учитывая, что обе публикации А.М. Куликовой напечатаны в редких изданиях, я считаю необходимым дать развернутую цитату из ее описания рукописи, но попутно внести по ходу цитирования некоторые дополнения и примечания.

«Рукопись написана арабской графикой на малайском языке профессиональным переписчиком и начинается обычной для мусульманских восточных рукописей *бас-малой*. На первой странице первого тома переписчик оставил дату — 1213 г.х. (июль 1798 — май 1799 г. н.э.).

Рукопись состоит из двух томов: I том — 106 листов, II том — 86 листов. Размер листа I и II томов — 26,5×20 см; текст занимает обе стороны листа, по 17 строк на каждой стороне; размер текста — 19,5×13,5 см. На последних двух страницах I тома (л. 104а и 105б) размер текста — 10×9 см; II тома (л. 86б и 85а) — 13×8 см. Пагинация поздняя, европейская (карандаш)². Бумага европейского производства (Амстер-

¹ Куликова А.М. Об одной малайской рукописи // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970. С. 51–53; она же. История крузенштерновского списка «Малайских родословий» — “Sejarah Melayu” // Брагинский В.И., Болдырева М.А. Описание малайских рукописей в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. М., 1977. С. 162–167 (Малайско-индонезийские исследования).

² Европейская пагинация расходится со счетом страниц произведений, созданных в соответствии с мусульманской традицией, где текст читается справа налево. Поэтому первые страницы рукописи, пронумерованные на европейский манер, являются в действительности ее последними страницами. В самой малайской рукописи страницы вообще не обозначены. Функцию нумерации выполняет имеющийся внизу каждой правой страницы текста кустод, что является характерной чертой средневековой рукописной традиции.

дам) с филигранью. Литерная часть филиграни «I. Honig Zoonen IN&Z». Дата изготовления бумаги 1794 г. (водяной знак). Большая часть рукописи написана черной тушью, отдельные слова и предложения, которые являются либо арабским текстом (изречениями из Корана и др.), либо отдельными малайскими словами, выделены красной³. Бумага и текст прекрасно сохранились. Переплет поздний, изготовленный из плотного картона, оклеенного мраморной бумагой, корешки кожаные, с золотым тиснением.

При знакомстве со списком обращает на себя внимание запись на немецком языке (готическим письмом), сделанная на форзаце (л. 106) I тома рукописи Х.Д. Френом⁴: «Geschichte der Malaien von den frühesten Zeiten bis zu Eroberung Malaias durch die Portugiesen. In Malaischer Sprache. Durch eine besondere Vergünstigung des Obechisials erhielt der Commodore Crusenstern, bei seiner Anwesenheit in Malaiia in 7.1798, die Erlaubnis, das MS dieser Geschichte, auf das man einen sehr hohen Werth setzte, copieren zu lassen. Er sandte diese Copie der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg» («История малайцев с древнейших времен до завоевания Малайи португальцами. На малайском языке. Во время своего пребывания в Малайе в июле 1798 г. коммодор Крузенштерн благодаря особой любезности официальных лиц получил разрешение скопировать рукопись этой истории, которой придавалось очень большое значение. Он послал эту копию в Академию Наук в Санкт-Петербурге»)⁵.

Далее, анализируя источники, указанные выше, исследовательница приходит к убедительному выводу, что И.Ф. Крузенштерн заказал переписать рукопись во время плавания в Ост-Индию и Китай (1797–1799). Летом 1798 г. он находился в Малакке, где его задержала болезнь. Там он заказал список с рукописи и дождался выполнения заказа. Прибыв в Петербург в 1799 г., И.Ф. Крузенштерн, скорее всего, передал рукопись академику Федору Ивановичу Шуберту, который, в свою очередь, передал ее в 1802 г. в Библиотеку Академии наук. Когда позже, в 1818 г. акад. Х.Д. Френом был основан Восточный кабинет (Азиатский музей), привезенная И.Ф. Крузенштерном рукопись оказалась уже в нем⁶.

Необходимо дополнить описание рукописи еще некоторыми деталями. Рукопись написана разновидностью *насха*, не имеет титульного листа с заглавием произведения. В одной из статей А.М. Куликовой рукопись названа «Малайские родословия» — “Sejarah Melayu”. В действительности в конце предисловия рукописи она названа *Сулалат-ус-салатин*. Оба названия относятся к одному и тому же произведению, о чем пойдет речь ниже. В данном случае важно отметить, что название *Седжарах Мелаю*, под которым это произведение более известно, в данном списке не встречается.

Сплошной текст рукописи состоит из отдельных рассказов, начинающихся со слова *al-kissah* («рассказ»), и рисунка типа решетки. Всего в рукописи 34 рассказа.

³ Красной тушью действительно выделены арабские изречения, а также большинство слов, обозначающих рассказ (*al-kissah*) и начало рассказов (*maqa tersebutlah perkataan*). Кроме того, красной тушью написаны вводные слова, слова-ритмизаторы, слова, отделяющие одно предложение от другого или один абзац от другого (*maqa, shahdan, hatta, sebermula, adapun, setelah*), имена правителей и султанов, легендарных героев.

Иногда красной тушью написаны целые строки, но чаще всего в строке несколько слов написаны красной тушью, остальные — черной. Имеется ряд примеров, когда одна половина слова написана красной, другая — черной тушью.

⁴ Френ (Frähn) Христиан Мартин (Христиан Данилович) (1782, Росток — 1851, Санкт-Петербург) — нумизмат и арабист, с 1817 г. академик Петербургской Академии наук. В 1818 г. по указу президента Академии наук был создан Восточный кабинет, ставший в 1835 г. Азиатским музеем, директором которого Х.Д. Френ был в 1818–1842 гг. (*Тихонов Д.И.* Сокровища Азиатского музея и их собиратели. Исторический очерк // Культура народов Зарубежной Азии. Сб. МАЭ. Т. XXIX. Л., 1973. С. 8–9, 11–14 и сл.).

⁵ Куликова А.М. Об одной малайской рукописи. С. 162.

⁶ Там же. С. 165–166.

Рассказы не пронумерованы. Каждый рассказ (кроме 1-го, 5-го, 9-го и 15-го) имеет традиционную рифмованную концовку: *wa-l-lahu 'al'ama bi-s -sawāb wa' ilay-hi-l marjī wa-l-ma'āb* — «И Аллах указывает на благоразумие, у него — наше прибежище и к нему возвращаемся» (иногда в сокращенном варианте). Следующий начинается с новой строки. Рассказы 21 и 31 начинаются с той же строки, где кончается предыдущий (соответственно 20-й и 30-й рассказы), но со слова *al-kissah* и рисунка (решеточки). Переходы от предисловия к 1-му рассказу, от 5-го рассказа к 6-му, от 9-го к 10-му и от 10-го к 11-му не отделены словом *al-kissah* и начинаются прямо с повествования.

Размещение текста единообразно по всему листу. Но в начале II тома (17-й рассказ) текст заключен в прямоугольную рамку, разделенную пополам, как это принято в поздних рукописях малайских стихов⁷.

Для характеристики рукописи Крузенштерна важно отметить некоторые графические особенности. Судя по почерку, копия этого произведения была сделана несколькими переписчиками (образцы почерков переписчиков см. в конце статьи). Принципы написания некоторых слов различны не только у разных копиистов, но иногда неодинаковы даже у одного и того же копииста. По-разному пишется буква *n* — араб. *fā*: с одной или двумя точками. Нередко буква *lām* пишется как *кяф*, например в слове *kecil*, а вместо буквы *син* пишется *шин*, например *Semudra* — *Sye-mudra, seri-syeri, suruh-syuruh*, что вообще характерно для старых рукописей⁸. Встречаются слова недописанные, с пропущенными слогами или буквами (скоропись?), особенно это относится к часто употребляемым, повторяющимся словам (например, *karena, tiada, yang dipertuan*), но иногда и в не столь часто употребляемых словах: *-na* вместо *nasi*, *ba* вместо *barang*, *genda* вместо *gendang* и т.д. Иногда пропущены целые фразы. Немало зачеркнутых слов, дописанных поверх строк букв и слов, которые были пропущены или не уместились по длине строки. Довольно часто встречаются повторы слов и целых словосочетаний, как будто переписчик, прервавшись на каком-то месте, начинает с тех же слов, забыв, что они уже были написаны. Иногда повторы можно объяснить тем, что происходила смена переписчиков. Нередко написание одних и тех же слов или фраз по два и даже по три раза явно происходило потому, что были сделаны ошибки и заново переписывались не только отдельные слова, но и все предложение.

В тексте много арабизмов — арабских слов, словосочетаний, изречений, предложений, стихотворных строк. Переписчики не очень хорошо знали арабский язык. Нередко в арабских фразах встречаются неправильные грамматические формы и неправильное написание слов и букв (например, вместо буквы *'айн* пишется *алиф*, вместо *lām* — *кяф* и т.п.), отсутствие диакритических знаков или наличие не тех, которые были бы нужны, что затемняет смысл, а во многих случаях слова просто чтению не поддаются. Немало недописанных арабских слов, с пропущенными буквами и слогами. Как правило, арабские изречения или стихи сопровождаются переводом (пересказом) на малайский, но в ряде случаев малайские парафразы арабских изречений, отдельных арабо-персидских стихотворных форм не соответствуют арабскому тексту. Кроме того, иногда арабские цитаты остаются без последующего малайского текста. В этом отношении рукопись Крузенштерна, по-видимому, мало чем отличается от других рукописей этого произведения. Р.О. Уинстедт, хорошо зная другие рукописи памятника, заметил, что текст *Sejarah Melayu* — яркий образец вольного обращения всех малайских копиистов с текстами⁹.

⁷ Брагинский В.И., Болдырева М.А. Описание малайских рукописей. С. 138.

⁸ Брагинский В.И. История малайской литературы VII–XIX веков. М., 1983. С. 345; Дорофеева Т.В. История письменного малайского языка (VII — нач. XX века). М., 2001. С. 138.

⁹ Winstedt R.O. A History of Malay Literature // JRASMB. 1940. Vol. XVII. Pt 3. P. 108.

Рукопись Крузенштерна и другие произведения малайской исторической литературы

Когда А.М. Куликова восстанавливала историю появления рукописи Крузенштерна в Архиве Института востоковедения, еще не было известно ее содержание и, следовательно, не могло быть известно, что петербургская рукопись представляет собой список знаменитого малайского произведения эпохи средневековья. Но указания на это имеются в автографе акад. Х.Д. Френа, где говорится, что И.Ф. Крузенштерн просил разрешения у высокопоставленных лиц сделать копию этого произведения, которому придавалось большое значение (более точный перевод — «которое высоко ценили»). Действительно, рукопись представляет собой знаменитое малайское средневековое произведение, написанное в жанре исторической прозы и более всего известное под названием *Sejarah Melayu* (в передаче на английский — *Malay Annals*, в российской малаистике утвердилось название *Малайские родословия*). Существует несколько десятков списков этого произведения, находящихся в хранилищах разных городов мира — Джакарты и Сингапура, Лондона и Манчестера, Лейдена и Амстердама. Теперь к этому ряду можно присоединить и Санкт-Петербург. Видный голландский ученый Р. Роолфинк, много лет стремившийся создать критический текст этого памятника и тщательно изучивший все известные ему списки, в том числе неполные и фрагментарные рукописи, выявил их около тридцати. Ученый знал о существовании петербургской (тогда называя ее ленинградской) рукописи этого произведения, но не имел возможности ее исследовать. Таким образом, рукопись, привезенная И.Ф. Крузенштерном, пополняет мировую коллекцию списков этого знаменитого средневекового малайского произведения.

Во времена И.Ф. Крузенштерна это произведение еще не было издано.

Но уже в конце XVII в. *Сулалат-ус-салатин*, или *Седжарах Мелаю*, привлекала внимание европейских исследователей больше, чем какой-либо другой памятник малайской культуры. Интерес к этому памятнику с тех пор не ослабевал и сохраняется вплоть до настоящего времени. Существует несколько изданий различных версий произведения в латинице и арабской графике, а также пересказов и переводов отдельных его частей на европейские языки. В любом исследовании по истории Малайи непременно имеются ссылки на это произведение как историческое, независимо от того, как квалифицируется степень его историчности. А в любой истории малайской литературы оно обязательно рассматривается как литературное произведение, часто с восторженной оценкой его художественных достоинств. Состояние изученности этого памятника, однако, еще недостаточно для того, чтобы в полной мере оценить его историко-культурное значение. Данная работа предполагает сделать определенные шаги в этом направлении. Но прежде чем перейти к анализу самой рукописи, не введенной до сих пор в научный оборот, следует обратиться к сфере малайстической текстологии и выяснить, как эта рукопись соотносится с известными и опубликованными текстами содержащегося в ней знаменитого памятника, представить историю его изучения, определить время и место его создания, т.е. рассмотреть рукопись в некоей исторической ретроспективе. После этого можно будет более подробно осветить значение рукописи Крузенштерна как историко-литературного и фольклорно-этнографического источника, влияние *Сулалат-ус-салатин* на последующее развитие малайской исторической прозы и историографии, выявить специфику исторического сознания средневекового малайца, определить функции средневековой исторической литературы, т.е. обсудить ряд вопросов, в совокупности составляющих историко-культурный контекст эпохи Малаккского султаната — време-

ни большого духовного взлета и напряженного интеллектуального творчества, когда и было создано произведение, называемое *Сулалат-ус-салатин* или *Седжарах Мелаю*.

Списки и издания

Сулалат-ус-салатин (Седжарах Мелаю)

Первые сведения об этом произведении в Европе появились во второй половине XVII в., когда в 1667 г. П. ван дер Форм в предисловии к малайскому словарю упомянул об истории малайцев под названием *Сулалат-ус-салатин* или *Пенурунан сегала раджа-раджа (Генеалогия всех князей)*, которая, по его мнению, была интересна не только для изучения малайского языка, но и тем, что сообщала о малайских князьях и судьбах малайских княжеств до прихода португальцев¹⁰. В течение XVIII и в начале XIX в. в различных лингвистических и исторических трудах *Седжарах Мелаю* называется в числе известных и лучших произведений малайской историографии. Его упоминают П.П. Роорда ван Эйсинга в своем словаре, Г.Х. Верндли в грамматике, Ф. Валентейн и У. Марсен в исторических сочинениях и др.¹¹. Но в этих отрывочных сведениях повторялось то, что во второй половине XVII в. уже высказал П. ван дер Форм.

В первой половине XIX в. в связи с коллекционированием рукописей в Европе и изданием каталогов стали появляться более систематические сведения об этом произведении. Начиная с этого времени можно говорить о трех направлениях в изучении памятника: 1) описание рукописей; 2) издание текстов на основе одной или нескольких рукописей; 3) переводы (точнее, пересказы) как всего произведения, так и отдельных его частей на европейские языки.

Самое раннее описание двух рукописей этого произведения, хранящихся в Британском Королевском Азиатском обществе под названиями *Сулалат-ус-салатин* или *Пенурунан сегала раджа-раджа*, дал Э. Жаке в 1832 г. Он отметил, что это произведение больше известно под названием *Седжарах Мелаю*, но не встречается под таким ни в грамматике Г.Х. Верндли, где перечислены все выявленные к тому времени произведения малайской литературы, ни в трудах голландских ученых — лингвиста П.П. Роорды ван Эйсинги и историка Ф. Валентейна¹². Большую работу по сличению списков рукописей, хранящихся в Британском Королевском Азиатском обществе, проделал выдающийся голландский ученый-миссионер Х.Н. ван дер Тьюок. Прочитав список этого памятника № 18, 35, 39, 48, 76, 80, он выделил рукопись № 18 как уникальную. Это рукопись, входящая в коллекцию Томаса Стэнфорда Рэффлза — основателя британского Сингапура и лейтенант-губернатора английской Ост-Индской компании с 1811 по 1816 г., — действительно отличается от остальных известных рукописей и ближе всего стоит к первоначальному тексту произведения, о чем пойдет речь ниже. Х.Н. ван дер Тьюок отметил также сходство рукописи № 80 из коллекции Королевского Азиатского общества с рукописью № 5 из коллекции полковника Фаркухара. В заключение ученый добавил, что списки этого произведения имеются в Голландии и Индонезии, часть из них находится в руках правительственных чинов-

¹⁰ Collectanea Malaica, Vocabularia of Maleische woordenboekzaming. Batavia, 1707–1708.

¹¹ Marre A. Quelques mots d'information sur le Sadjarah Malayou // Le Muséon. 1900. T. 1. P. 301; Werdly G.H. Maleische spraakkunst uit de eige schriften den Maleiers opgemaakt. Aanhangel No. 51. Amsterdam, 1736; Valentijn F. Oud en Nieuw Oost-Indiën. Bd. 5. Dordrecht, Amsterdam, 1724. Blz. 316–320; Hervey D.F. Valentijn's Description of Malacca // JRASSB. 1884. Vol. XIII. P. 49–62; Marsden W. The History of Sumatra. L., 1811. P. 326.

¹² Jaquet E.M. Mélanges malayes, javanais et polynésiens // JA. 1832. T. 9. P. 124–125.

ников и частных лиц¹³. В библиотеке Королевского Азиатского общества в коллекции У. Максвелла имеется рукопись № 105, краткое описание которой дал ее бывший владелец¹⁴. Позже, уже в середине 60-х годов XX в., голландский исследователь Р. Роолфинк отметил, что между этой рукописью и рукописью из коллекции Британского Королевского Азиатского общества, известной под названием рукописи № 18 собрания Т.С. Рэффлза, есть прямая и непосредственная связь¹⁵. Краткие сведения о голландском фонде рукописей *Седжарах Мелаю*, в частности о пяти списках произведения, хранящихся в Лейденской академии языка, литературы и народоведения, впервые дал Й. Пейнаппел¹⁶.

Описывая рукописный фонд Батавского Общества науки и искусства, Л.В.К. ван дер Берг отметил четыре сходные рукописи: № 188 под названием *Сулалат-ус-салатин*, содержащую генеалогию малайских правителей от легендарного предка малайцев Александра Зул-Карнайна (Александра Македонского) до султана Ала-уд-дина Рияят Шаха; № 189 под названием *Седжарах Мелаю*, кончающуюся рождением султана Ала-уд-дина Рияят Шаха; № 190, по названию совпадающую с № 188, а по составу — с № 189; № 191, идентичную рукописи № 190. Первая из перечисленных рукописей — № 188, по наблюдению Л.В.К. ван дер Берга, сходна с пятью рукописями Британского Королевского общества — № 18, 35, 39, 48, 80, а также с пятью рукописями библиотеки Лейденского университета — № 1703, 1704, 1716, 1736, 1760¹⁷. Более полное, в ряде случаев исправленное описание этих рукописей позже дал также Ф.С. ван Ронкель¹⁸.

В каталоге малайских и сунданских рукописей библиотеки Лейденского университета Х.Х. Йюнболл дал описание списков этого произведения¹⁹. Позже каталог был значительно дополнен Ф.С. ван Ронкелем, включившим в него рукописи из частных собраний известных голландских ученых — Х.А. Опхейзена, Х. Спата, Х.С. Снука-Хюргронье. Так, в коллекции Х.С. Снука-Хюргронье оказалась копия *Седжарах Мелаю*, датированная 27 июня 1893 г.²⁰

Одновременно с выявлением списков произведения шли издания и переводы текстов. В 1831 г. выдающийся малайский просветитель Абдуллах бин Абдулкадир Мунши (1796–1854; далее — Абдуллах) издал литографическим способом текст рукописи в арабской графике. В 1952 г. этот текст был транслитерирован латиницей индонезийским и голландским учеными — Т.Д. Ситуморангом и А. Тэу²¹. В 1849 г. Э. Дюлорье издал часть *Седжарах Мелаю* в арабской графике и попытался установить различия между двумя известными ему рукописями²². В 1896 г. У.Г. Шеллабер издал текст этого произведения в арабской графике, в начале XX в. оно было несколько раз

¹³ Tuuk H.N. van der. Short Account on the Malay Manuscripts Belonging to the Royal Asiatic Society // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New Series. Vol. 2. L., 1886. Pt 4. P. 85.

¹⁴ Maxwell W.E. Notes on the Two Perak Manuscripts. Sijara Malayu // JRASSB. 1878. Vol. 1. P. 184–187.

¹⁵ Roelvink R. The Variant Versions of Malay Annals // BTLV. 1967. D. 123. Afl. 3. Blz. 307.

¹⁶ Pijnappel J. Catalogus der Maleische handschriften in der bibliotheek van Leidsche Akademie // BTLV. 1870. D. 5. Afl. 3. Blz. 163.

¹⁷ Berg L.W.B.C. van der. Verslag van eene verzameling Maleische, Arabische, Javaansche en andere handschriften door de Regeering van Nederlandsch-Indië aan het Bataviasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen ter bewaring afgestaan. Batavia, 1877. XII. Blz. 1–62.

¹⁸ Ronkel Ph.S. van. Catalogus der Maleische handschriften in het Museum van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen // VBG. 1909. Deel. LVII. Afd. VIII. Blz. 268–270.

¹⁹ Yunboll H.H. Catalogus van de Maleische en Sundaneesche handschriften der Leidsche Universiteit bibliotheek. Leiden, 1899. Blz. 242–245.

²⁰ Ronkel Ph.S. van. Supplement-Catalogus der Maleische en Minangkabausche handschriften in de Leidsche Universiteits bibliotheek. Leiden, 1921. Blz. 40.

²¹ Sedjarah Melaju. Menurut terbitan Abdullah (ibn Abdulkadir Munsji) diselenggarakan kembali dan diberi anotasi oleh T.D. Situmorang dan Prof. Dr. A. Teeuw dengan bantuan Amal Hamzah. Djakarta, 1952.

²² Collection des principales chroniques malayes / Ed. E. Dulaurier. T. 1. P., 1849.

издано в латинской транслитерации. Эти издания предназначались для школьного обучения. Шеллабер пытался соединить все изданные до него тексты²³. Текст Шеллабера в арабской графике с указанием разночтений с текстом Абдуллаха был издан в 1959 г. в Индонезии, в 1967 г. в латинской транслитерации — в Малайзии²⁴.

В 1938 г. Р.О. Уинстедт опубликовал латинскую транслитерацию рукописи № 18 Британского Королевского Азиатского общества из коллекции Т.С. Рэффла (далее — Raffles 18). Транслитерация предваряется кратким изложением содержания этого текста в издании Шеллабера и публикуемой рукописи, сравнением предисловий к пяти рукописям, хранящимся в Британском Королевском обществе, в результате которого ученый пришел к выводу, что рукопись Raffles 18 наиболее близка к первоначальной редакции произведения, созданного в средневековой Малакке²⁵. Некоторые подробности описания этой рукописи появились в 1999 г.²⁶

Об изучении и интерпретации этого памятника можно говорить с выходом в свет первого перевода, а точнее — пересказа его на английский язык, изданного Дж. Лейденом в 1821 г.²⁷ Это было издание не письменного, а устного источника: малайский *муниш* (учитель, знаток языка) Ибрахим читал произведение вслух, а Дж. Лейден записывал то, что, с его точки зрения, заслуживало внимания²⁸. Поэтому то, что воспроизвел Дж. Лейден, точнее можно было бы определить как свободный и подробный пересказ. Естественно, что вскоре после выхода в свет труд Лейдена встретил нарекания: отмечалась неполнота содержания, пропуск целой цепи важных генеалогий, интересных и любопытных эпизодов, ряд серьезных ошибок в переводе²⁹.

В течение XIX — начала XX в. неоднократно издавались более или менее подробные переводы и пересказы памятника на английский, французский, голландский языки.

В середине XIX в. Т. Браддель пересказал несколько отрывков из одной рукописи произведения, хранящейся в библиотеке Лейденского университета, и попытался дать лингвистический комментарий, касающийся прежде всего этимологии имен и названий³⁰. В 1878 г. М. Девик перевел на французский язык две главы *Седжарах Мелаю*, изданной Э. Дюлорье, снабдив свой перевод очень краткими пояснениями встречающихся в тексте имен, титулов, отдельных выражений³¹.

В 1884 г. вышел голландский перевод Х.С. Клинкерта сингапурского издания *Седжарах Мелаю* в редакции Абдуллаха³², а с 1896 по 1899 г. в нескольких номерах журнала “Le Museon” одна из рукописей произведения, привезенная из Малакки французским ученым П.Е.Л. Фавром, была пересказана на французский язык видным исследователем культуры Юго-Восточной Азии А. Марром³³.

²³ Sejarah Melayu or the Malay Annals. Terchap kedua kali-nya. Jilid yang kedua / Ed. W.G. Shellabear. Singapore, 1910; Sejarah Melayu or the Malay Annals. Terchap ketiga kalinya. Jilid yang pertama / Ed. W.G. Shellabear. Singapore, 1915; *Linehan W. The Sources of the Shellabear Text of the Malay Annals // JRASMB. 1947. Vol. XX. Pt 2. P. 105–107.*

²⁴ Sejarah Melayu. Ed. W.G. Shellabear. Djakarta, 1959 (в араб. графике); Sejarah Melayu. Ed. W.G. Shellabear. Kuala Lumpur, 1967.

²⁵ *Winstedt R.O. The Text of Raffles MS. No. 18 // JRASMB. 1938. Vol. XVI. Pt 3. P. 1–226.*

²⁶ *Jones R. Malay Manuscripts. Gathering and Soiled Pages // Archipel. 1999. № 57. Vol. II. P. 101.*

²⁷ *Leyden J. The Malay Annals. L., 1821.*

²⁸ *Low J. Translation of Keddah Annals // JIAEA. 1849. Vol. III. P. 20.*

²⁹ *Dufeau M. Malay Annals Translated from the Malay Language by the Late Dr. J. Leyden with the Introduction by Sir Stamford Raffles // JA. 1822. T. 1. P. 300–309; Marre A. Malais et siamois. De l’esclavage dans la presqu’isle malaise // Le Muséon. 1894. T. 13. P. 494; idem. Quelques mots d’information sur le Sadjarah Malayou // Le Muséon. 1900. T. 1. P. 301–303.*

³⁰ *Braddel T. Abstracts from the Séjarah Mélayou // JIAEA. 1851–1852. No. 5–6.*

³¹ *Devic M. Légendes et traditions historiques de l’archipel Indiens (Sedjarat Malayou). P., 1878.*

³² *Klinkert H.C. Sadjarah Malajoe of de Maleische kronieken. Leiden, 1884.*

³³ *Marre A. Soulatat-es-salatin ou Sadjara Malayou // Le Muséon. 1896. P. 248–269; 1897. P. 243–251, 345–355, 447–462; 1898. P. 297–312, 396–400; 1899. P. 27–36, 158–172, 332–335, 409–422.*

В 1925 г. С.О. Блэгденом в журнале Королевского Азиатского общества (отделения малайистики) были опубликованы последние восемь глав из рукописи Raffles 18 с ее описанием и филологическими примечаниями, касающимися орфографии³⁴. Ученый опубликовал часть рукописи до ее полной публикации Р.О. Уинстедтом в 1938 г.

В середине XX в. текст рукописи Raffles 18, изданный в 1938 г. Р.О. Уинстедтом, был переведен на английский язык К.К. Брауном и снабжен характеристикой изобразительных средств и некоторых языковых особенностей произведения³⁵.

Имея в своем распоряжении сведения о рукописях и изданиях *Сулалат-ус-салатин* (*Седжарах Мелаю*), а также пересказы или переводы этого произведения на европейские языки, цитированные отрывки из него в разных трудах по истории и литературе малайско-индонезийского региона, можно в общих чертах представить творческую историю этого произведения, которая в той или иной степени интересовала тех, кто занимался его изучением.

К истории текста памятника

Где и когда был создан памятник, кто создал его — вопросы, которые прежде всего интересовали исследователей. Уже упоминавшийся выше голландский ученый Р. Роолфинк, много сделавший для отыскания первоначального ядра произведения, писал: «Хотя текст нам известен более ста лет, мы находимся в полном неведении того, когда точно он был написан»³⁶.

Наличие нескольких десятков списков, разные даты их составления, логические и стилистические противоречия как внутри одного и того же текста, так и разночтения между отдельными его вариантами уже говорят о непростой судьбе, которая выпала на долю памятника в течение нескольких столетий. Не требуется особенно детального изучения всех существующих списков произведения, чтобы представить себе длительную историю его создания, дописывания и редактирования.

О том, какие изменения происходили с текстом этого произведения, прежде всего говорит противоречивое и запутанное предисловие к нему.

Исходя из текстологических наблюдений, частично высказанных выше, а частично изложенных ниже, отгалкиваясь от предисловия, я попытаюсь в общих чертах восстановить некоторые промежуточные этапы истории текста памятника и происшедшие с ним трансформации и высказать свой взгляд на эти все еще не до конца решенные проблемы, связанные с созданием этого произведения.

Для малайской историографической традиции до XIX в. характерно отсутствие дат. В списках имеются только две даты: указание на дату создания произведения — 1021 год хиджры, или 1612 год по христианскому летосчислению, и дата создания данного списка. Список Крузенштерна, как уже говорилось, датируется 1213 г. хиджры, или 1798 г. по христианскому летосчислению. Место создания связывается с городами Бату Савар (в рукописи это название пропущено, но восстанавливается по контексту и при сравнении с другими текстами) или Пасиром Раджой в Джохоре (южная оконечность Малаккского полуострова). Именно в Джохоре обосновался последний султан Малакки Махмуд Шах (1488–1511) после захвата Малакки португальцами в 1511 г. При дворе джохорских султанов продолжали развиваться малаккские традиции. «И малаккское древо проросло в Джохоре, так оно есть и по сей день», —

³⁴ Blagden C.O. Unpublished Variant Version of Malay Annals // JRASMB. 1925. Vol. VIII. Pt 1. P. 10–52 (цит. по: Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18 // JRASMB. 1938. Vol. XVI. Pt 3. P. 27).

³⁵ Brown C.C. Séjarah Mélayu, or “Malay Annals”: A Translation of Raffles Ms. 18 // JRASMB. 1952. Vol. XXV. Pt 2–3.

³⁶ Roelvink R. The Variant Versions of Malay Annals. P. 301.

говорится об этом времени в выдающемся малайском эпическом произведении XVII в. — «Повести о Ханг Туахе»³⁷. Но все содержание памятника неразрывно связано с историей Малакки, возникновением и подъемом Малаккского султаната, мельчайшими подробностями жизни малаккского двора, султанов и его ближайшего окружения. Оно было написано явно современником и очевидцем многих событий того времени, пережившим расцвет султаната Малакки и его гибель. Р.О. Уинстедт, исходя из содержания памятника, но не затрагивая при этом проблемы соотношения различных списков, считает, что основное ядро было создано в конце XV — начале XVI в. при дворе последнего малаккского султана — Махмуда Шаха. Об этом говорит, по мнению Р.О. Уинстедта, особенно подробное, тщательное и полнокровное описание жизни государства именно во время правления этого султана³⁸. Но при этом Р.О. Уинстедт допускает возможность более ранней датировки начала создания памятника. Он отмечает, что в рукописи № 68, хранящейся в Королевском Азиатском обществе в Лондоне, говорится, что «оригинальный текст анналов был составлен во времена Соломона и что новая редакция обсуждалась в 1482 г. н.э. (возможная начальная дата оригинального замысла) на заседании высокопоставленных лиц во времена Александра Великого»³⁹! Действительно, на период правления именно султана Махмуда Шаха приходится наибольший объем информации в памятнике. Однако тон изображения избалованного, любвеобильного, жестокого и подозрительного, нередко попадающего в комические ситуации и не слишком одаренного в государственных делах султана Махмуда Шаха отнюдь не передает того преклонения перед ним, какое должен был испытывать его современник и верноподданный *бендахара* — первое лицо в государстве после султана, а именно бендахара — тун Мухаммад, или Падука Раджа, или тун сери Лананг — в предисловии упоминается как сочинитель произведения. Истинной красотой, гуманностью и справедливостью наделяется в произведении султан Мансур Шах (1459–1477). При этом султаны были сделаны основные завоевания Малаккского султаната, при нем султанат приобрел те границы, которые удерживал вплоть до вторжения португальцев. Поэтому более вероятно, что основной состав памятника был создан при дворе султана Мансура Шаха. Надо иметь в виду, что точно датировать этот памятник вряд ли возможно, так как творение его не было единовременным актом — он создавался в течение длительного времени, при этом к основному ядру присоединялись описания фактов и событий, происходивших гораздо позже. Поэтому, начав создаваться при султани Мансуре Шахе, это произведение обрело свое окончательное оформление, скорее всего, при последнем султани Малакки — Махмуде Шахе.

Ни один из известных в настоящее время списков произведения не датируется ранее, чем 1612 г. Между тем в предисловии явно говорится о том, что текст произведения — вторичный. В нем упоминается, что на собрании всех влиятельных людей некий самый почитаемый вельможа, обратившись к будущему автору (невежественному факиру), сказал: «Я, ваш покорный слуга, слышал, что из Гоа привезли повесть о Малайе. Следовало бы нам восстановить все старинные обычаи, описанные в ней, чтобы знали о них потомки наши, которые придут после нас, чтобы все они помнили о них и извлекали бы из них пользу».

Фраза о повести, привезенной из Гоа, является интерполяцией в более поздней джохорской редакции произведения, так как в рукописи, близкой к оригиналу (Raffles 18),

³⁷ Парникель Б.Б. Повесть о Ханг Туахе / Предисл., пер., примеч. и глоссарий Б.Б. Парникеля. М., 1984. С. 473.

³⁸ Winstedt R.O. The Date, Author and Identity of the Original Draft of the Malay Annals // JRASMB. 1938. Vol. XVI. Pt 3. P. 27.

³⁹ Winstedt R.O. A History of Malay Literature. P. 107–108.

нет упоминания о повести из Гоа⁴⁰. Имеются три предположения о появлении «повести из Гоа» через сто лет после захвата Малакки португальцами.

1. После захвата Малакки португальцами (1511) рукопись была вывезена в центр португальских владений на западном (Малабарском) побережье Индии в город Гоа⁴¹.

2. Рукопись сохранялась в одной из многочисленных пещер княжества Паханг в центральной части Малаккского полуострова. Сторонник этой теории У. Линеан считал, что последний малаккский султан Махмуд Шах после захвата Малакки португальцами бежал в Паханг, захватив с собой рукопись. В Паханге местные редакторы внесли в нее эпизоды о захвате Паханга малаккцами и о пленении пахангского правителя Дева Суры (рассказ 13). В 1612 г. во время нападения на Паханг войск джохорского султана рукопись была захвачена в местечке под названием Гуа (от мал. *gua* «пещера»). Место получило такое название, поскольку в Паханге к северу от Куала Липиса находится очень много пещер. А так как в арабской графике мал. *gua* («пещера») читается так же, как название места Гоа, то и возникла версия о повести, привезенной из Гоа⁴².

3. Рукопись после падения Малакки была вывезена в Гоа (южная часть Сулавеси), а через сто лет возвращена и отредактирована в Джохоре, где большую политическую силу в это время приобрели правители бугийского происхождения⁴³. Этот взгляд поддержал и развил видный голландский исследователь Р. Роолфинк. «Мы можем предположить, — писал он, — что Сулалат-ус-Салатин, подобная той, которая представлена рукописью Raffles 18, была вывезена в Гоа (Целебес), возможно, при содействии целебесской малайской общности. Позже, после проникновения бугийцев в Малаккский пролив, вскоре после 1720 г., они привезли копию этого текста на архипелаг Риау, и здесь, вероятнее всего при дворе бугийского правителя (*yang dipertuan muda*), эта рукопись была обнародована, и именно тогда в нее был вставлен эпизод о делегации, посланной в Макаassar⁴⁴. При этом Р. Роолфинк считал, что произведение было создано не ранее XVII в. Заметим, что эпизоды, связанные с Макасаром (южная часть Сулавеси), имеются и в рукописи Raffles 18. Макасарское государство, или двуединое государство Го(в)а-Талло, в конце XV — начале XVI в. установило торговые отношения с Малаккой, а опытные мореходы и торговцы, каковыми были бугийцы и макасары, обосновались во многих областях Нусантары, в том числе и на Малаккском полуострове. Поэтому влияние южносулавесийской традиции могло проявиться уже в период Малаккского султаната, задолго до массового притока бугийцев в XVII–XVIII вв., когда была создана бугийская историографическая традиция, во многом противостоящая малайской, но и явно находящаяся под ее влиянием⁴⁵.

Как бы ни были различны взгляды на «повесть из Гоа», все авторы сходятся на том, что первоначальная рукопись была вывезена из Малакки, отсутствовала в течение ста лет, а затем была возвращена малайцам. Так рукопись, очевидно, оказалась в Джохоре, где в течение 1610–1612 гг., в перерывах между неоднократными нападениями со стороны Аче, была восстановлена. Воспоминания о прошлом величии Малакки продолжают стимулировать развитие малайской литературы, сосредоточенной отныне при дворе джохорских султанов. Именно об этом периоде короткого расцвета

⁴⁰ *Winstedt R.O.* The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 42.

⁴¹ *Wilkinson R.J.* Further Notes upon the Study of Ancient Times in Malay Peninsula // JRASMB. 1937. Vol. XV. Pt 2. P. 169; *Gibson-Hill C.A.* The Malay Annals: The History Brought from Goa // JRASMB. 1956. Vol. XXIX. Pt 1. P. 14.

⁴² *Linehan W.* Notes on the Text of the Malay Annals // JRASMB. 1947. Vol. XX. Pt 2. P. 113–117.

⁴³ *Jacquet E.M.* Mélanges malayes. P. 124.

⁴⁴ *Roelvink R.* The Variant Versions of Malay Annals. P. 311.

⁴⁵ *Bottoms J.C.* Some Malay Historical Sources: A Bibliographical Note // ИИ. 1965. P. 175–177; *Денисова Т.А.* Хроники Тухфат ан-Нафис как источник по истории Малайи XVII–XIX вв. Автореф. канд. дис. М., 1998.

малайской государственности Р.О. Уинстедт писал: «Ни один период джохорской истории не открывался такими блестящими перспективами»⁴⁶. В это время вновь пробуждается интерес к *Сулалат-ус-салатин (Седжарах Мелаю)*, но она должна была служить уже новым целям, выполнять волю нового покровителя — джохорского султана — и приобрести новую политическую направленность: создать не просто придворную хронику, а восстановить и узаконить права на престол династии джохорских султанов как достойных потомков малаккских правителей, показать тесные родственные связи между малаккскими и джохорскими султанами, знатью, а также обосновать притязания Джохора на земли, принадлежащие Малаккскому султанату как на Малаккском полуострове, так и на Суматре⁴⁷. Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды и акценты в тексте, которые можно рассматривать как конъюнктурные, внесенные новым редактором-составителем в соответствии с новой политической ситуацией.

Очень трудно сказать, насколько первоначальный текст, созданный при дворе в Малакке, был изменен через столетие, так как оригинал произведения до сих пор не найден и, скорее всего, утрачен. Ближе всего к первоначальному тексту произведения, созданному в Малакке, рукопись Raffles 18, хотя в ней и указаны дата создания — 1612 г., и место создания — Пасир Раджа в Джохоре. Издавая эту рукопись в латинской транслитерации, Р.О. Уинстедт подробно зафиксировал ее отличия от остальных известных списков и попытался объяснить их с точки зрения политической истории. В ней нет упоминания об истории, привезенной из Гоа, в ней меньше рассказов, композиционно они более логично следуют друг за другом. Рукопись кончается рассказом о событиях, которые имели место в 1535 г. Другие списки произведения дополнены событиями, происшедшими после этой даты, в них представлена более разветвленная генеалогия правителей, в ряде случаев намеренно измененная, а именно: в ней подчеркивались тесные семейные связи султанов и бендахар, но оказались опущенными сведения, относящиеся к законной ветви малайской династии в Пераке. Одни и те же события получили иное освещение или приурочены к разным историческим лицам (например, эпизод о сватовстве султана к легендарной принцессе с горы Леданг в более поздних редакциях относится к Махмуду Шаху, в то время как в рукописи Raffles 18 этот эпизод относится к султану Мансуру Шаху). Неоднократное упоминание названия *Джохор* вместо распространенного в средневековой Малайе *Уджунг Танах*, географическое перемещение названия *Гангга Нагара* на реку *Диндинг* в Джохоре (рассказ 1) — все это, по мнению Р.О. Уинстедта, говорит не о случайных стихийных изменениях, а о стремлении сознательно и целенаправленно переделать или дополнить имеющийся материал. Видно, что новый редактор заботился об ином освещении событий в соответствии с политической ситуацией, наполняя текст нужными, с его точки зрения, интерполяциями, выражая иное отношение к тексту. Речь в этом случае идет уже о другой редакции этого произведения. К этому добавляются и стилистические изменения. Рукопись Raffles 18 написана более архаичным языком. Таким образом, Р.О. Уинстедт считает, что рукопись Raffles 18 ближе всего по тексту той истории, привезенной из португальского города Гоа, о которой говорится в предисловии во всех других известных списках⁴⁸, т.е. он развил и подтвердил догадку, высказанную еще Х.Н. ван дер Тююком. Эта рукопись, как признано всеми малайстами, представляет собой древнейший из дошедших текстов *Седжарах Мелаю*.

Высказывания Р.О. Уинстедта подтверждаются и некоторыми моими текстологическими сравнениями текстов рукописи Крузенштерна, Raffles 18, изданий *Sedjarah*

⁴⁶ Winstedt R. O. A History of Johore (1365–1895 A.D.) // JRASMB. 1932. Vol. X. Pt 3. P. 37.

⁴⁷ Josselin de Jong P. E. de. Agama di gugusan pulau Melayu. Kuala Lumpur, 1965. H. 241.

⁴⁸ Winstedt R. O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 28–34.

Melaju Абдуллаха бин Абдулкадира и *Sejarah Malayu* У.Г. Шеллабера. Выше говорилось о том, что список Крузенштерна переписывался несколькими переписчиками, о чем свидетельствуют графические особенности (разный почерк, повторы слов, целых предложений и т.п.). Об этом же свидетельствуют и многочисленные повторы отдельных фраз. Ограничусь несколькими примерами:

«А что касается государства Палембанг, то оно и поныне существует» (рассказ 2 на протяжении нескольких строк);

«А арабы называли ее (Малакку. — Е.Р.) Малакат, что значит „скопление купцов“» (рассказы 11 и 18);

«А от потомков Бата происходят люди, читающие присягу верности» (рассказы 2 и 11);

«Откуда бы ни пришло письмо, если в нем написано „приветствуем“, то паицы читали „поклоняемся“» (рассказы 18 и 32);

«И бендахара Путих выбрасывал огарки свеч» (рассказы 26 и 34) и т.д.

Ряд нарушений в логике повествования говорят о более поздних вставках в это произведение, еще не приведенных в соответствие с уже «отстоявшимся» материалом: во втором рассказе говорится, что письмо было принято по государственному обычаю, но сам обряд описывается гораздо позже. В рассказе 33 упоминается бендахара Лубук Бату, и только в следующем рассказе мы узнаем, почему он получил такое прозвище. В рассказе 26 говорится о княжестве Патани, а в рассказе 33 объясняется происхождение этого названия. Те же самые повторы и логические несообразности имеются и в текстах, изданных Шеллабером и Абдуллахом⁴⁹, но их нет в рукописи текста Raffles 18, изданного Р.О. Уинстедтом. Это — еще одно доказательство близости текста Raffles 18 к первоначальной редакции произведения, которое позже было неоднократно размножено в списках.

Все другие известные в настоящее время рукописи были скопированы не ранее XVIII в., хотя в них оставлена дата создания — 1612 г., и относятся ко второй, так называемой джохорской редакции произведения. В некоторых случаях, как в рукописи Крузенштерна, добавлена и дата копирования.

Очень большое место в произведении занимают генеалогии. Собственно говоря, само название — *Сулалат-ус-салатин* означает *Генеалогия султанов*, а в европейскую и российскую малайстику оно вошло, как говорилось выше, под названиями *Malay Annals*, или *Малайские родословия*. В середине 40-х годов XX в. У. Линен высказал гипотезу, что основой произведения могли послужить родословные⁵⁰. А через два десятилетия большую популярность среди малайстов, к которым принадлежала и я, приобрели взгляды Р. Роолфинка о конкретном источнике, послужившем основой этого памятника, каковым являлся, по мнению ученого, генеалогический список всех малайских правителей с датами их правления. Он хранится в библиотеке Лейденского университета под шифром Cod. or. 3199(3) part 4. Р. Роолфинк считал, что все тексты произведения в конечном счете восходят к обнаруженному им протографу, который постепенно обрастал сюжетами исторического, литературного, фольклорного характера, и эпическое начало в нем возобладало над хронологическим. Одновременно с этим ученый, пересмотрев время создания первоначального текста памятника, предложенного Р.О. Уинстедтом (1536), а также датировку версий Абдуллаха и Шеллабера (1612), переносит эволюцию самого памятника в значительно более поздний период, снимает проблему джохорской редакции, считая, что памятник находился в городе Гоа на Сулавеси и был отредактирован в начале

⁴⁹ Sedjarah Melaju. 1952. Н. 25, 86, 90, 163, 164, 224, 274, 305.

⁵⁰ Linehan W. Notes on the Text of the Malay Annals. P. 107. Note 1.

XVIII в.⁵¹. Эту точку зрения очень подробно проанализировал В.И. Брагинский, показав, что таким образом давно обсуждаемая проблема не только не решается, а наоборот, усложняется и обрастает новыми вопросами. В.И. Брагинский противопоставил ей свои веские аргументы и привел новые доводы, подтверждающие мнение Р.О. Уинстедта. Ученый пришел к выводу, что на данном этапе изучения памятника нет необходимости пересматривать время его создания, что первоначальная редакция *Седжарах Мелаю* была создана вскоре после захвата Малакки португальцами (1536). Автор ее хорошо знал быт придворных кругов и, возможно, жил в городе до португальского завоевания. Все произведение в целом отражает малаккский, а не джохорский этап развития культуры⁵².

Стоит добавить к этому, что отдельные части памятника можно датировать более определенно. В произведении немало внимания уделено Пасайскому княжеству (Сев. Суматра, совр. область Аче). Это рассказы об основании княжества, о междоусобицах двух братьев, о разделении одного княжества на два — Самудру и Пасай, об убийстве некоего тун Джана Хатиба из Пасая, осмелившегося взглянуть на сингапурскую принцессу, о помощи Малакки и освобождении из плена пасайского султана, об обращении малаккского султана к пасайским богословам за толкованием сложных теологических вопросов (рассказы 7, 9, 20 и др.).

Пасайское княжество в 1524 г. было захвачено султанатом Аче и перестало существовать как самостоятельное государство; клониться к упадку оно начало еще ранее. В памятнике проявлен не просто интерес к Пасаю. В нем сохранен почтительный тон описаний. Пасайский князь признается столь же великим, как малаккский султан или яванский *патих* (правитель), а Пасайское государство считается равным самой Малакке. Эти рассказы могли быть написаны в период оживленных и тесных связей Малакки и Пасая, т.е. не позже конца XV в. Рассказ же о свержении пасайского князя Зайн-уль-Абидина и о восстановлении его на престоле с помощью малаккского султана и его войск (рассказ 22) мог появиться только после 1512 г., когда произошло это событие. Рассказы, где упоминается Аче (рассказ 26 и др.), могли быть написаны не ранее середины XV в., рассказ о нападении португальцев на Малакку и взятии ее мог возникнуть только после 1511 г., а рассказ о появлении испанцев на Молуккских островах — не ранее 1525 г.

Эти эпизоды можно более или менее точно датировать, но они не очень помогают определить точную дату всего произведения, так как присоединялись или вставлялись в разное время к уже существующему в конце XV — начале XVI в. основному составу памятника, и нередко нарушали хронологическую последовательность, стройность и систематичность изложения: сюжеты, связанные с событиями 1525 г., предшествуют сюжетам, повествующим о событиях 1511 или 1512 г. Но они дают возможность определить крайние хронологические пределы создания памятника. Первоначальное ядро его было оформлено в конце XV в., но постоянно дополнялось до середины XVI в. Поэтому можно выделить два периода существования памятника: условно называемый авторским, относящийся к середине XV в., представленный текстом Raffles 18, и редакционный, относящийся к началу XVII в., когда памятник был воссоздан, а затем переписывался в течение XVIII в. Редакционный этап существования этого произведения и отражает рукопись Крузенштерна в целом, так же как и большинство известных рукописей, в том числе изданные Абдуллахом и Шеллабе-ром, к сравнению с которыми я буду обращаться. Но есть в рукописи Крузенштерна некоторые особенности, которые отличают ее от указанных выше и выделяют из известных списков, о чем пойдет речь в специальном разделе далее.

⁵¹ Roolvink R. The Variant Versions of Malay Annals.

⁵² Брагинский В.И. История малайской литературы. С. 66–74.

Остановимся на проблеме авторства. В предисловии автор называет себя «ничтожным и невежественным факиром». Такое заявление было общим литературным приемом в то время и имело, скорее всего, ближневосточное, точнее — персидское происхождение. Но подобная декларация вполне соответствовала требованиям малайского этикета, в частности представлениям о скромности и самоуничижении (*tendah diri*), которыми должен был обладать каждый воспитанный малаец. Эта литературная традиция сохранялась долго и у поэтов — провозвестников новой, современной литературы.

После самоуничижительной формулы в предисловии названы титулы, имя и родовая того, кому приписывается авторство. Титул его — «бендахара» означает одного из четырех главных сановников Малаккского султаната, премьер-министра. Имя автора — тун Мухаммад или тун сери Лананг. В классической малайской литературе раннеисламского периода имя автора обычно не упоминалось. Нет имени автора и в рукописи Raffles 18, которая ближе всего к оригиналу произведения. Кроме того, самоуничижительные выражения (факир, сознающий свое ничтожество и невежество) применительно к автору по правилам литературного этикета того времени не могли соседствовать с указанием на его высокородное происхождение и перечислением всех знатных предков⁵³. Из этого следует, что, как и полагал Р.О. Уинстедт, упоминание о тун сери Лананге со всей его родословной, представленной не только в предисловии, но и в конце произведения — 26-м и 27-м рассказах, где добавляется, что он был родом из Аче, — относится не к автору, а к редактору произведения и является позднейшей интерполяцией, появившейся после его смерти. Р.О. Уинстедт, изучив родословные бендахар Малакки и Джохора, вычислил предположительные годы его жизни — 1586–1614⁵⁴. Поэтому вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением М.Г. Эмейса, что, в отличие от других анонимных произведений средневековой малайской литературы, нам известно имя автора *Седжарах Мелаю*⁵⁵. Как и вся средневековая малайская литература, *Сулалат-ус-салатин*, или *Седжарах Мелаю*, анонимна, подлинное имя автора установить невозможно не только в силу существовавшей традиции анонимного творчества в средневековье, но и за счет слабости индивидуального авторского начала, размытости границ между тем, что создано собственно автором, и тем, что он брал в готовом виде. В данном произведении — это генеалогии, фольклорные и литературные сюжеты, исторические легенды, стилистические клише и т.п. В таких структурно сложных «многослойных» произведениях, своего рода летописных сводах на историческую тему, где скрещивались и непрерывно сливались различные источники и предшествующие ему произведения, куда легко вводились отрывки из других памятников, литературные обработки фольклорных сюжетов, генеалогические списки и родословные, очень трудно отделить творческую работу автора от работы редактора и даже переписчика, часто выступавшие как соавторы или редакторы, которые могли создавать текст на основе нескольких списков, исправлять или вносить изменения в текст⁵⁶. А поскольку индивидуальное авторство было развито еще слабо, то редактор или соавтор, работавший в определенной среде и выполнявший волю своего султана-повелителя, занимал место не меньшее, чем настоящий автор. Поэтому разделение периода создания произведения на авторский (к которому ближе всего рукопись Raffles 18) и редакционный (к которому принадлежат все остальные известные рукописи и издания, по ним осуществ-

⁵³ Wilkinson R.J. The Sri Lanang Pedigree // JRASMB. 1933. Vol. XI. Pt 2. P. 148–150; Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 36.

⁵⁴ Winstedt R.O. The Bendaharas and Temenggongs // JRASMB. 1932. Vol. X. Pt 1. P. 143.

⁵⁵ Emeis M.G. Bunga rampai Melaju kuno. Bloemlezing uit het klassiek Maleis. Djakarta, 1952. H. 122.

⁵⁶ Iskandar T. Some Aspects concerning the Work of Copyists of Malay Historical Writing // International Conference of Asian History. Kuala Lumpur, 1968. P. 13–15.

ленные) очень условно и приблизительно, но без него не обойтись, чтобы ограничить подвижность текста и дать представление о его развитии.

Если абсолютное авторство и подлинное имя автора установить невозможно, то на основании всего содержания памятника довольно точно выявляется та среда, из которой вышли как предполагаемый автор, так и редактор произведения. Темы, находящиеся в центре внимания автора — а его интересует жизнь султанов и придворной знати, торжественные и пышные дворцовые церемонии, этикет и тайны придворной жизни, — явно говорят о том, что автор, называющий себя «невежественным факиром», принадлежал к высокопоставленным кругам, к ближайшему окружению султана, хорошо осведомленному о том, что происходило во дворце. Что касается редактора, то в тексте прямо говорится, что он является бендахарой, т.е. самым важным лицом в государстве после султана. Особое внимание к деятельности и родословным бендахар, нередко большее, чем к личностям и деятельности султанов, постоянные упоминания тесных родственных связей между семьями султанов и бендахар только подтверждают высокое положение в придворной иерархии создателя этого произведения. Еще одним важным свидетельством принадлежности редактора памятника к высокопоставленному государственному сановнику является хроника *Бустан-ус-салатин* (1638 или ок. 1640 г.), автор которой — знаменитый шейх-суфий Нур-уд-Дин Ар-Ранири — ссылается на сочинение бендахары Падука Раджи *Сулалат-ус-салатин* как на источник своего произведения⁵⁷.

Такова в общих чертах история движения и развития текста малайского средневекового памятника *Сулалат-ас-салатин*, или *Седжарах Мелаю*, существующего в двух редакциях — первой, авторской, или малаккской, и второй — джохорской, представленной, в свою очередь, несколькими версиями или вариантами. Для того чтобы она была более точной, требуется тщательный смысловой анализ всех вариантов, совокупное изучение состава всех известных текстов и обобщающие объяснения цели и причины как идейных, так и стилистических изменений, а также указание на их последовательность. Тогда, вероятно, можно будет создать классификацию текстов, в которой формальный принцип совпадал бы с историческим и были бы установлены порядковые взаимоотношения текстов. Подобная текстологическая работа в мою задачу не входит. Большую работу в этом направлении проделал Р. Роолфинк, проведший текстологическое исследование всех известных ему списков данного произведения и предложивший следующую классификацию рукописей по степени их генеалогического родства. Р. Роолфинк выделил четыре основные версии:

1. Краткая — текст, изданный Абдуллахом, рукопись № 80 из коллекции Рэффлза, рукопись № 5 из коллекции Фаркухара, рукописи № 36495 и 36499 из Королевского Азиатского общества, рукопись № 189 из Батавского общества искусства и науки (ныне Институт искусства и науки в Джакарте).

2. Полная, представленная наибольшим числом сохранившихся списков, — текст, изданный Шеллабером, рукопись № 26 из коллекции У. Максвелла, манчестерская рукопись, рукописи библиотеки Лейденского университета № 1703, 1716, 1736 и 3210 и Королевского Института языка, народоведения и литературы № 631, рукописи № 188 и 190 Батавского общества искусства и науки. Все указанные рукописи кончаются описанием нападения князя Джамби на Джохор — события, происшедшего в 1673 г. В этой версии более подробно описываются сведения о минангкабау, вставлен рассказ о Читарам Шахе, рассказываются иные сюжеты о Ханг Туахе: Ханг Туаха привозят из Макассара в дар султану Малакки. В этой же версии имеются рассказы о событиях в Малакке после захвата ее португальцами (1511).

3. Расширенная — рукопись № 191 в Батавском обществе искусства и науки и две ее копии в Лейденском университете: Cod. or. 6342 и Cod. or. 7304. Эта версия дополнена описаниями событий, происходивших в Малаккском проливе в XVIII в.

4. Палембангская версия, представленная рукописью, хранящейся в Тропическом институте в Амстердаме. Рукопись обрывается рассказом о завоевании Малакки португальцами.

Напомним, что в связи с утверждением Р. Роолфинка о сулавесийском происхождении *Седжарах Мелаю* («истории с Гоа») и предложенной им поздней датировкой произведения (XVIII в.) он не считает текст рукописи Raffles 18 относящимся к авторской или очень близкой к авторской редакции произведения. Те разночтения между списками, которые приводит ученый, носят характер случайных утрат или присоединений, и, расширяя или дополняя основной текст, они не приводят к идейной или стилистической переработке. Поэтому все рукописи в классификации Роолфинка можно считать вариантами, версиями одного произведения, но не отдельными редакциями.

Р. Роолфинк не имел в своем распоряжении рукописи Крузенштерна, поэтому она не представлена в предложенной им классификации текстов этого произведения. Между тем, чтобы конкретно понять и оценить значение памятника, который И.Ф. Крузенштерн привез в Петербург из Малайи, следует сначала определить место петербургской рукописи среди наиболее известных текстов этого произведения на основе списков, хранящихся в разных странах.

Рукопись Крузенштерна в сопоставлении с текстами Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши и У.Г. Шеллабера

Выше мною были отмечены некоторые текстологические наблюдения над рукописью, касающиеся ее графических особенностей и смысловых повторов. Ниже будут отмечены стилистические особенности рукописи Крузенштерна в сравнении с наиболее полным и известным текстом, изданным Абдуллахом (и очень близким ему текстом издания Шеллабера).

По составу и содержанию рукопись Крузенштерна близка текстам *Sejarah Melayu* Абдуллаха и Шеллабера. Все три текста состоят из 34 рассказов. Но между ними имеется целый ряд стилистических и грамматических расхождений. Я провела сравнение всей рукописи с текстом, изданным Абдуллахом, в результате которого были выявлены многочисленные различия, которые можно разделить по нескольким группам.

1. Рассказы начинаются по-разному. В рукописи Крузенштерна каждый рассказ начинается прямо с темы: *tersebutlah perkataan* («говорится о, следует рассказ о...»), в издании Абдуллаха рассказ начинается с ссылки на слова сказителя — *kata sahibul hikayat* («говорит сказитель»).

2. По-разному оформлены абзацы и начала предложений. У Абдуллаха каждый абзац обычно начинается с союзов *telah* или (реже) *setelah* («после того как»), а каждое предложение — с союза *maKa* («и»). В рукописи Крузенштерна явное предпочтение отдается форме *setelah*, предложения часто начинаются без союза *maKa*, но значительно более употребительны вводные слова, такие, как *adapun syahdan, adapun, akan syahdan, hatta* («что касается; а; тем временем; и тогда»).

3. Частота употребления частиц *-lah, -pun, a* также притяжательного местоимения *-nya* одинакова, но слова, к которым они присоединяются, не совпадают. Кроме того, в одинаковых по смыслу предложениях одни и те же слова в тексте Абдуллаха употребляются без частиц, а в рукописи Крузенштерна — с частицами, например *gakut*

banyak («много народу») у Абдуллаха и *gakyatpun banyaklah* («и народу множество») в рукописи Крузенштерна.

4. Есть различия в употреблении в одном и том же контексте синонимов, разных по своей стилистике. Так, в том месте, где в тексте Абдуллаха — высокое по стилю *dipersembahkan* («почтительно докладывать»), в рукописи используются стилистически нейтральные *berkata* («говорить»), *katanya* («сказал он»). Иногда, наоборот, нейтральному по стилю глаголу *mau* («хотеть») в тексте Абдуллаха в рукописи Крузенштерна соответствует архаичный синоним *embu*, относящийся к высокому стилю. К области синонимов одного стилистического уровня относятся и другие многочисленные разночтения. Вместо слов *melihat* («смотреть»), *dahulu juga* («давно»), *dahulunya* («прежде»), *beroleh rampasan* («захватить добычу»), *parasnya* («внешность») у Абдуллаха в сходном контексте в рукописи Крузенштерна встречаются синонимы или близкие по смыслу слова *memandang* («глядеть»), *sediakala* («издавна»), *dahulu kalanya* («в прежние времена»), *merampas* («захватить»), *rupanya* («вид»). Нередки случаи употребления глаголов в разных залогах в одних и тех же предложениях. У Абдуллаха предпочтительно активные формы — *melihat* («смотреть»), *bergelar* («иметь прозвище, титул»), в рукописи пассивные — *dilihat* («быть увиденным»), *diberi gelar* («быть наделенным прозвищем или титулом»).

5. Наиболее частые расхождения между текстами создаются за счет большей или меньшей развернутости описания или за счет иного порядка слов. Например, фразе в издании Абдуллаха: *...hendak dijadikan raja akan ganti* («...собрался быть поставленным правителем на смену государю») соответствует *...hendak raja itupun dirajakan baginda akan ganti baginda* («...собрался государь сделать этого раджу правителем на смену государю») в тексте рукописи Крузенштерна. Ср. также текст Абдуллаха: *Maka ditempuhinya sekali-kali dengan senjata, rupanya seperti air turun dari atas bukit* («И обрушилось на них оружие, как хлынувший с горы на них водопад») — и текст рукописи: *Maka oleh orang Siak dihujan-hujannya dengan senjata oleh orang Melaka, ditempuhnya sekali-kali dengan senjata, rupanya seperti air turun dari atas bukit* («И на людей Сиака оружие людей Малакки падало дождем, как хлынувший с горы водопад»).

В данном случае в рукописи более пространное и красочное описание сражения. Однако нередко, наоборот, сходные описания в рукописи Крузенштерна представлены в усеченном виде по сравнению с текстом Абдуллаха. В то же время в рукописи имеются вставки, отсутствующие у Абдуллаха, в ней больше арабизмов и арабских изречений. Все указанные расхождения между рукописью Крузенштерна и текстом этого произведения, изданным Абдуллахом, относятся и к тексту, изданному Шеллабером.

Сравнение текста рукописи Крузенштерна с текстами той же редакции и версии произведения показывает, что многочисленные расхождения между ними не меняют в целом его содержания и не затрагивают смысла отдельных эпизодов памятника. Но эти расхождения отражают языковые особенности и пристрастия переписчиков и придают иную стилистическую окраску рукописи по сравнению с идентичными по содержанию изданными текстами.

Рукопись Крузенштерна относится по классификации Р. Роолфинка к краткой версии произведения и отражает джохорскую его редакцию. Но есть некоторые черты, сближающие ее с текстом Raffles 18, т.е. с авторской, или ближе всего стоящей к первоначальной редакции произведения. Об этом следует сказать более подробно.

Рукопись Крузенштерна и текст рукописи Raffles 18

Прежде всего, формула, с которой начинаются рассказы — «следует рассказ о...», в обоих текстах совпадает, в то время как в изданиях Абдуллаха и Шеллабера рассказы

начинаются, как правило, с несколько иной формулы, а именно: «Говорит сказитель: следует рассказ о...».

В данном разделе речь будет идти о совпадении целых фрагментов текста, отдельных предложений, выражений, словосочетаний, имен, названий мест, даже одних и тех же слов, не поддающихся прочтению, которые имеютя как в рукописи Крузенштерна, так и в рукописи Raffles 18. Приведу несколько примеров.

В рассказе о том, как раджа Нила Утама отправлялся в Танджунг Бембан (рассказ 3), в рукописи Крузенштерна так описывается снаряжение корабля: ...Kenaikan baginda lancaran bertiang tiga, pelang peraduan, jurung pebujangan, bidar kekayohan, serta jong penanggahan teruntum penjalaan, bentang memandian.

В рукописи Raffles 18 текст почти идентичный: Maka sĕgala lanchang kĕnaikan baginda pelang pĕraduan, jong pĕbujangan, bidar kĕkayohan, sĕrta jong pĕnanggahan, tĕrunum (ترنتم) pĕnjalaan, tĕrĕntang pĕrsĕndian (? = pĕrmandian)⁵⁸.

В изданиях Абдуллаха и Шеллабера этот отрывок звучит по-иному: Adapun kenai-kan baginda lancharan bertiang tiga, pilang peraduan dalam kelambu tirai dalam kurung, serta permandian dan kekengkapan ber-masak-masak⁵⁹.

Описание забав прислужниц в рукописи Крузенштерна (рассказ 3) и тексте Raffles 18 также совпадает, только в рукописи Крузенштерна в некоторых местах есть пропуски глаголов, в одном месте употреблен другой глагол и все описание дается в несколько иной последовательности, чем в тексте Raffles 18: Ada yang siput, ada yang kupang (Raffles 18 — mengambil siput, mengambil kupang), ada yang mengambil bari (Raffles 18 — menggali bari), ada yang mengambil pisang direbusnya, ada yang daun (Raffles 18 — mengambil daun) butun dibutunnya ulam (Raffles 18 — этого нет), ada yang mengambil bunga karang dipermainnya, ada yang latoh dipincoknya, ada yang mengambil agar-agar dikerabunya⁶⁰.

Сходный текст в издании Абдуллаха и Шеллабера несколько иной: Ada jang mengambil siput, ada jang mengambil kupang, ada jang mengambil ketam, ada jang mengambil lokan, ada jang mengambil daun kaju olah hulaman, ada jang mengambil bunga karang, ada jang mengambil agar-agar⁶¹.

В рассказах, посвященных связям Малаккского султаната с яванской империей Маджапахит, в частности в эпизодах о пребывании малаккского адмирала Ханг Туаха на Яве, приводятся песни и стихи на яванском языке с переводами на малайский (рассказ 14). Тексты этих двенадцати песен в рукописи Крузенштерна полностью совпадают с подобными же текстами рукописи Raffles 18, в то время как в изданиях Абдуллаха и Шеллабера приведены только по три песни⁶².

В рукописи Крузенштерна и Raffles 18 приводится текст присяги (клятвы) верно-сти на искаженном санскрите, причем в рукописи Крузенштерна она встречается дважды — во время возведения на престол правителя древнемалайского государства (рассказ 2) и во время получения титула в мусульманской Малакке (рассказ 11). В рукописи Raffles 18 текст присяги произносится только древнемалайским правителем⁶³. В изданиях Абдуллаха и Шеллабера текста присяги вообще нет.

Только в рукописи Крузенштерна и Raffles 18 имеется арабская формула после констатации смерти правителя — qālū 'inna-l-lah wa 'inna 'alay-hi rāji'ūna — «они ска-

⁵⁸ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 60

⁵⁹ Sedjarah Melaju. 1952. H. 38; Sejarah Malayu. 1915. H. 31.

⁶⁰ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 60.

⁶¹ Sedjarah Melaju. 1952. H. 38; Sejarah Malayu. 1915. H. 31.

⁶² Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 106–107; Sedjarah Melaju. 1952. H. 131; Sejarah Malayu. 1915. H. 99.

⁶³ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 75.

зали: воистину Аллах, и воистину они возвратились к нему». В изданиях Абдуллаха и Шеллабера этой формулы нет.

Описание пожара во дворце и спасения имущества в рукописи Крузенштерна (рассказ 16) почти дословно совпадает с рукописью Raffles 18 и отличается от описания подобного же сюжета в изданиях Абдуллаха и Шеллабера по своей стилистике:

Рукопись Крузенштерна

Maka orang banyakpun datang hendak ber-bela tiada terperbela lagi. Maka harta yang dalam istana itupun diperlepas oranglah. Tetapi timah hatap istana itupun hancurlah cucur daripada hancuran hatap istana itu seperti hujan yang lebat.

Издание Абдуллаха

Maka orang banyakpun datang hendak ber-lepas harta itu, terlalu sukar; karena timah atap istana itu hanjur, turun seperti hudjan jang lebat⁶⁵.

Raffles 18

Maka orang pun sĕmua-nya datang-lah bĕr-bĕlakan, tiada tĕpĕrbĕla lagi. Maka sĕgala arta yang dalam astana itu pun sĕmuanya dipĕrlĕpas orang. Ada pun timah atap itu pun hanchur-lah chuchur dari chuchuran atap istana itu pun, chuchurlah sapĕrti hujan yang lĕbat⁶⁴.

Издание Шеллабера

Maka orang banyak pun datang hĕndak bĕrlĕpas harta itu, tĕrlalu sukar; karna timah hatap istana itu hancur, turun sĕpĕrti hujan yang lĕbat⁶⁶.

В построении фраз, словоупотреблении в одном и том же контексте есть много совпадений в текстах рукописи Крузенштерна и рукописи Raffles 18, в то время как сходные между собой тексты, изданные Абдуллахом и Шеллабером, имеют с рукописями Крузенштерна и Raffles 18 некоторые расхождения. Некоторые примеры:

Рукопись Крузенштерна

...pada suatu hari, maka aria Gajah Mada berkain buruk.

Издание Абдуллаха

...pada suatu hari, maka patih aria Gadjah Mada memakai Aria Gajah Mada memakai serba buruk⁶⁸.

Raffles 18

...pada suatu hari, maka Pateh Aria Gadjah Mada berkain buruk⁶⁷.

Издание Шеллабера

...pada suatu hari, maka Pateh Aria Gajah Mada mĕmakai sĕrba burok⁶⁹.

Такие предложения в рукописи, как kena rusuknya terus, maka rusa itupun tiada boleh lari lalu mati одинаковы в рукописи Крузенштерна и в тексте Raffles 18, в то время как в издании Абдуллаха это предложение имеется в усеченном виде — kena rusuknya terus lalu mati⁷⁰.

Фраза о присоединении княжества Индрагири к Малаккскому султанату в тексте Raffles 18 (рассказ 14) также почти дословно совпадает с тем же отрывком в рукописи Крузенштерна. В издании Абдуллаха и Шеллабера эти отрывки также совпадают практически дословно, при этом отличаясь от первых двух рукописей:

⁶⁴ Ibid. P. 115.

⁶⁵ Sedjarah Melaju. 1952. H. 152.

⁶⁶ Sejarah Malayu. 1915. H. 115.

⁶⁷ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 101.

⁶⁸ Sedjarah Melaju. 1952. H. 122.

⁶⁹ Sejarah Malayu. 1915. H. 92.

⁷⁰ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 60; Sedjarah Melaju. 1952. H. 38.

Рукопись Крузенштерна

Raffles 18

Jika diberipun alpa juga, jika tiadapun dialpa.

Jikalau di-bëri pun di-alpa; jikalau tiada pun di alpa juga⁷¹.

Издание Абдуллаха

Издание Шеллабера

...djikalau dianugerahkan, se-baik-baiknya, djikalau tiadapun, diambil djuga⁷².

...jikalau di-anugërahkan, sa-baik-baik-nya, jikalau tiada pun, diambil juga⁷³.

В сюжете о захвате сиамцами в плен правителя Самудры (рассказ 8) говорится о письме, посланном сиамским королем: «Так звучало оно» — Demikian bunyinya. В таком же варианте эта фраза имеется в тексте Raffles 18⁷⁴. В издании Абдуллаха и Шеллабера о письме сиамского короля говорится по-иному: «Очень приятно звучало оно» — Terlalu baik sekali bunjinja⁷⁵.

В эпизоде, повествующем о выборе яванской принцессой жениха (рассказ 14), невеста устраивает смотр женихов и говорит, согласно рукописи Крузенштерна и рукописи Raffles 18: «Дай-ка я выберу» — ...biarlah beta pilih (рукопись Крузенштерна: ...biarlah beta pileh)⁷⁶. Но в издании Абдуллаха и Шеллабера невеста говорит: «Дай-ка посмотрю»: biar beta lihat⁷⁷.

Глаголам berlaki, perlakikan («выйти замуж») в рукописи Крузенштерна и в тексте Raffles 18 соответствуют синонимичные глаголы bersuami, buat suami в изданиях Абдуллаха и Шеллабера, а вместо выражения menuntut janji («требовать выполнения обещания») употребляется minta janji, вместо формы diguritkan («сочинять или исполнять стихи») употребляется форма dipantunkan и т.п.

Некоторые слова встречаются только в рукописи Крузенштерна и рукописи Raffles 18. Таковы слова ngunglah («выть, завывать»), teranggar-anggar («налететь, столкнуться»), gangsa («бронза, небольшой бронзовый поднос»), gamang («чувствовать головокружение»), gembatan («поперечина») и др. У Абдуллаха и Шеллабера в соответствующих предложениях употребляются слова с иными значениями: gemparlah («всполошиться»), tergoj(y)ang («пошатнуться»), talam («поднос»), gemam («невнятный»), (d)jenang («косяк»).

Имеется в рукописи Крузенштерна немало слов, смысл которых непонятен. Многие из них также совпадают с текстом рукописи Raffles 18. В изданиях Абдуллаха и Шеллабера в сходном контексте употребляются другие слова и выражения. В предложении ...pasirnya terlalu putih seperti kain sudah دينار (dibanara?) в рукописи Крузенштерна и ...pasir-nya tëlalu puteh sapërti kain پيركقمار в тексте Raffles 18 значение двух слов непонятно, в то время как в издании Абдуллаха в этом предложении этих не поддающихся чтению слов нет. В этом месте стоит выражение seperti kain terhamrag — «как расстеленный каин»⁷⁸.

В эпизоде о наказании за прелюбодеяние (рассказ 10) само наказание как в рукописи Крузенштерна, так и в рукописи Raffles 18 выражено словом پرچقكيکن (perjangkikan), значение которого неизвестно. Р.О. Уинстедт не транслитерировал его. Между тем в изданиях Абдуллаха и Шеллабера в соответствующем месте употреблен глагол sulakan («сажать на кол»)⁷⁹.

⁷¹ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 110.

⁷² Sedjarah Melaju. 1952. H. 135

⁷³ Sejarah Malayu. 1915. H. 102.

⁷⁴ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 75

⁷⁵ Sedjarah Melaju. 1952. H. 122; Sejarah Malayu. 1915. H. 92.

⁷⁶ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 102.

⁷⁷ Sedjarah Melaju. 1952. H. 122; Sejarah Malayu. 1915. H. 92.

⁷⁸ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 81; каин — род ткани.

⁷⁹ Sedjarah Melaju. 1952. H. 77; Sejarah Malayu. 1915. H. 58.

В эпизоде усмирения слона (рассказ 26) Дева Раджа в обращении употребляет слово, которое не поддается чтению. Это же слово имеется в тексте Raffles 18. P.O. Уинстедт не транслитерировал его, оставив в арабской графике⁸⁰. Этого слова нет ни в издании Абдуллаха, ни в издании Шеллабера.

Имена правительницы Бинтана, яванской принцессы и др. и в рукописи Крузенштерна, и в тексте Raffles 18 приводятся как Сикандар Шах и Най Кесума, а не Искандар Шах и Ви Кесума, как в изданиях Абдуллаха и Шеллабера. Точно так же названия пролива Самбар и местности Танджунг Рунгас в рукописи Крузенштерна и Raffles 18 совпадают и отличаются от названий Самбау и Танджунг Ренгас в изданиях Абдуллаха и Шеллабера.

Указанные как значительные, так и на первый взгляд не очень важные текстовые, стилистические и лексические совпадения между рукописью Крузенштерна и текстом рукописи Raffles 18, а также их расхождения с текстами произведения, легшими в основу изданий Абдуллаха и Шеллабера, позволяют внести некоторые коррективы в проблему соотношения авторской и редакторской версии памятника. До сих пор считалось, что версия, ближе всего стоящая к авторской редакции произведения, представлена только одним списком — рукописью Raffles 18. Сходство текста рукописи Крузенштерна во многих отношениях с текстом этой рукописи делает вполне вероятным предположение, что у переписчиков рукописи для И.Ф. Крузенштерна в 1798 г. был еще один список, близкий к первоначальной авторской версии этого произведения, которым они тоже пользовались. По содержанию, количеству рассказов, композиции рукопись Крузенштерна сходна с изданием Абдуллаха и Шеллабера и отражает редакторскую версию произведения, но текстологические особенности, указанные выше, позволяют считать рукопись Крузенштерна смешанным текстом, в котором в определенной степени нашли отражение две стадии его существования — авторская и редакторская.

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство. Все известные в настоящее время рукописи были созданы не ранее XIX в. Даже рукопись, ближе всего стоящая к оригиналу (Raffles 18), восходит к началу XIX в., о чем свидетельствует водяной знак бумаги: C. Willmot 1812⁸¹. И только рукопись Крузенштерна датируется концом XVIII в., т.е. является самой ранней из известных ныне рукописей знаменитого исторического произведения малайского средневековья.

Эпоха создания памятника

Как говорилось выше, памятник первоначально был создан в середине XV в. в придворной среде средневековой Малакки. Многие сведения о Малакке — центре могущественного султаната в течение более ста лет (ок. 1403 — 1511) — историки черпают именно из него, с теми или иными поправками.

За недолгий период своего существования Малакка превратилась в центр малайской культуры, развитие которой стимулировали постоянные связи с Индией, Китаем, странами мусульманского Востока. В начале XV в. Малакка приняла мусульманство. Возникновение и развитие малайской классической литературы постоянно шло под знаком ислама, вместе с которым в Малайю проникли сюжеты и герои мусульманского мира. В это время малайская литература испытывает влияние ведущей литературы на Ближнем Востоке — персидской. В Малакке получили новую жизнь такие известные произведения персидской литературы, как *Роман об Александре*, *По-*

⁸⁰ Winstedt R.O. The Text of Raffles Ms. No. 18. P. 155.

⁸¹ Ibid. P. 27.

весть об Амуре Хамхе, Повесть о Мухаммаде Ханафиш, цикл повестей о Бахтиаре, *Притчи об умном попугае*⁸².

Именно в период расцвета Малаккского султаната в среде высокообразованной элиты возникает обостренный интерес к истории своего государства, к своему прошлому. Так родилось произведение, в котором дух историзма малайской культуры в его очень специфическом проявлении сказался наиболее отчетливо. В единой структуре его слились память об исторических событиях далекого прошлого государств малайского мира и события, современником которых был автор, но и те и другие преломлены сквозь призму фольклорно-поэтического сознания. Арена действия произведения — весь малайский мир и его связи с другими странами — Китаем и Сиамом, Индией и Аравией. Подробности и реалии дворцового быта, ритуала, этикета соседствуют в нем с множеством литературных реминисценций и окрашены многовековыми культурными веяниями, шедшими из Индии, Китая, стран мусульманского Востока.

Быт и история

«Можно с легкостью критиковать малайские исторические труды. Нам легко показать, как ненадежны их хронологические выкладки, как многие легенды, встречающиеся в них, — всего лишь отголоски индийской или персидской литературы. Но из этого не следует, что мы должны сбрасывать со счета произведения, подобные *Седжарах Мелаю*, как абсолютно не заслуживающие внимания. *Седжарах Мелаю* обладает всеми достоинствами и недостатками развлекательных историй. Историческая правда в ней приносится подчас в жертву занимательному рассказу или уступает интересам генеалогий, которые намеренно изменялись. Это произведение украшают эпизоды, повествующие о переговорах и делах, которых никогда не было, но при этом оно должно было оставаться верным представлениям и духу своего времени и поэтому дает нам весьма правдоподобную картину своей эпохи. Из этого произведения мы узнаем о тирании и распутстве малайских князей, о царившей во дворце коррупции, о взяточничестве чиновников, о вражде, мести, интригах, побеге и об отношении ко всему этому народа»⁸³. В этих словах одного из первых исследователей малайской культуры, выдающегося ученого Р.Дж. Вилкинсона, в сущности, определено все значение памятника для историко-бытового исследования.

Ни у одного исследователя малайской культуры не вызывает сомнения то обстоятельство, что *Сулалат-ус-салатин* — произведение историческое. Оно производит впечатление исторической достоверности. В нем действуют много реально существовавших лиц Малаккского государства и других государств малайского мира — султаны и правители, их приближенные, государственные деятели, министры, военачальники, богословы. На страницах этого своеобразного свода описываются завоевания новых земель, далекие морские экспедиции в Индию, Китай и другие страны, переговоры малаккских послов с главами других государств, установление связей с различными княжествами Малайи и Индонезии.

Очень важны сведения о политической системе государства, о власти верховного правителя — султана, неограниченного владыки своих подданных и единственного судьи их поступков. Измена, бунт против султана считались самым тяжким грехом, напротив, «служение правителю — все равно что служение Аллаху, ибо султан —

⁸² О персидском влиянии на малайскую литературу подробнее см.: *Брагинский В.И.* История малайской литературы. С. 135–143.

⁸³ *Wilkinson R.J. Papers on Malay Subjects. Vol. 2. Singapore, 1908. P. 33–34.*

ть Аллаха на земле». Этот принцип проходит через все повествование. Ему неизменно сопутствует и другой принцип: султан всегда должен быть справедлив и не доходить до произвольной расправы с подданными. Эти нормы своего рода добровольного договора между правителем и народом, особая концепция малайской монархической власти были закреплены юридически и вошли в законодательство Малакки и других малайских княжеств⁸⁴. Нерасторжимый союз между правителем и его подданными, восходящий к очень далеким временам, освящен волей Аллаха. Поэтому нарушение его приведет к гибели государства: «И были ниспосланы такие слова Аллаха — славен Он и велик — всем малайским правителям: „Никогда не хулите своих подданных, как бы ни были велики их грехи, не связывайте, не вешайте и не позорьте их дурными словами. Если государь оскорбит хоть одного малайского подданного, то это будет предвестником гибели всего государства“. И всем малайцам были ниспосланы слова Аллаха — славен Он и велик: никогда не предавать и не отворачиваться от своего правителя, даже если он имеет дурной нрав и несправедлив» (рассказ 2). Как бы подтверждением этого служат трагические последствия нарушения этого договора. Когда первый малаккский правитель — Искандар Шах (он же последний сингапурский князь) по ложному обвинению казнит свою наложницу, яванские войска разрушают Сингапур (рассказ 10). А когда по совету клеветников были убиты преданные последнему султану Малакки люди, произошла самая большая катастрофа — Малакка пала под ударами португальцев (рассказ 33).

С личностью султана был связан особо сложный придворный церемониал, определяющий его действия и поведение. Подробно описан ритуал возведения султана на престол с сопровождающими его действиями — омовением, обнесением вокруг купальни, чтением присяги. Все компоненты этого ритуала восходят к эпохе интенсивного индуистского влияния в малайском мире, но почти в неприкосновенном виде они сохранялись и в мусульманской Малакке и существовали до недавнего времени в малайских княжествах. Второй малаккский правитель имел титул «сери Махараджа», который носили правители империи Шривиджая (VII–XIII в.) из династии Шайлендров в период особенно сильного индуистского влияния, когда правитель считался воплощением бога Индры. Только султан и члены его семьи могли носить одеяния желтого цвета, что вошло в законодательство всех малайских княжеств. Сохранились в произведении и еще более древние представления о правителе. Правитель древнемалайского государства может превратить соленую воду в пресную, вызвать кожную болезнь (рассказ 2). Несмотря на то что распространение мусульманства сопровождалось запрещением старых обрядов и осуждением колдунов и шаманов как последователей ложных богов⁸⁵, султан в средневековой Малакке наделяется магическими способностями колдуна и шамана: султан Музаффар Шах становится участником колдовских действий, символически направляя стрелу лука в сторону Сиамы, отчего сиамский король заболевает и умирает (рассказ 13), а султан Мансур Шах насылает в письме к китайскому императору кожную болезнь, которая излечивается только одним способом — водой, в которой султан омыл ноги (рассказ 15)⁸⁶.

Султана окружает развитой аппарат государственной власти, «стена и опора государства», по выражению Р.О. Уинстедта. Это многочисленные министры, придворные, военачальники, судьи, стражники, гонцы. Тут и самое важное лицо в государстве после султана — бендахара, или премьер-министр, нередко обладающий большей

⁸⁴ *Тхор С.В.* Свод законов «Унданг-унданг Мелака» («Малаккский кодекс») как источник по истории средневековой Малайи (XIV–XVI вв.). Автореф. канд. дис. М., 2005. С. 16.

⁸⁵ *Winstedt R.O.* The Malay Magician being Shaman, Saiva and Sufi. L., 1951. P. 6–8.

⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Ревуненкова Е.В.* Шаман-султан в средневековой Малайе // «Избранники духов» — «Избравшие духов». Традиционное шаманство и неошаманизм / Отв. ред. В.И. Харитонов. М., 1999. С. 115–122.

реальной властью, чем султан, и направляющий политику государства. Особенно велика была роль бендахары тун Перака, осуществившего все основные завоевания Малакки (рассказ 13 и др.). Большую роль играли также *теменггунг*, исполнявший многочисленные функции, в том числе министра юстиции и министра внутренних дел, *лаксамана* — адмирал, *пенгхулу бендахари* — главный казначей. Особенно пышно представлен весь придворный штат в многочисленных сценах торжественных приемов, обмена посланиями как от государств, равных Малакке, так и зависимых от нее, в придворных церемониях оказания почестей. Подробные описания одежд и украшений, праздничных выходов султана в паланкине, с атрибутами власти, символизирующими единство и величие государства, — скипетром, мечом, копьем, зонтами, музыкальными инструментами, сцены пиров с щедрым угощением и ночными бдениями, играми и развлечениями создают весьма красочную картину жизни малаккского двора с его четко разработанным этикетом и сословной иерархией (рассказы 2, 11). Пышную дворцовую жизнь дополняют подробные описания приемов посланников и высоких гостей из других стран, обязательно сопровождающихся обрядом одаривания одеждой, который является заключительным актом после возведения в определенную должность, удачного завоевательного похода, награждения титулом или просто выражением доброго отношения. Изображение необычной, торжественной, праздничной жизни во всех подробностях явно выдает в авторе свидетеля и очевидца происходивших во дворце событий. Неизменное внимание при всем этом уделяется перечислению титулов и разветвленных родословных высшей знати, в которых воплощался весь блеск государственной власти. О том, какое значение придавалось генеалогии, говорит само название произведения — *Сулалат-ус-салатин* — *Родословная султанов*, хотя представлены в нем многочисленные родословные не только султанов.

Немалое место в произведении занимают и бытовые подробности повседневной придворной жизни: рассказ о бендахаре, раздающем пригоршнями золото своим внукам, о проказах царственных детей (рассказ 33), о выговоре придворным за несоблюдение этикета в строго регламентированной жизни двора и т.д.

Двор показан не только в расцвете своей славы на фоне пышных церемоний. Не скрыта и другая его жизнь, характеризующаяся семейными и политическими распрями, предательствами и изменами, интригами, заговорами и убийствами. В памятке часто сообщается об убийствах придворных, о расправе с клеветниками, лаксаманой, о вероломных действиях самого султана Махмуда по отношению к пахангскому князю, об убийстве опекуна малолетнего султана Малакки, организованном тамильским мусульманином тун Али (рассказ 12), об убийстве самого тун Али (рассказ 26), о страшной резне и истреблении семьи бендахары тун Мутахира накануне захвата Малакки португальцами (рассказ 33). Подробно рассказывается о ссоре между двумя высокопоставленными лицами в государстве — бендахарой и лаксаманой, особенно после их совместных действий по возвращению на престол пасайского правителя Зайн-уль-Абидина. Только султан мог наказать или простить убийцу. В малаккском кодексе законов право султана вершить смертную казнь было закреплено юридически⁸⁷. Если в самой Малакке или подвластных ей княжествах совершалось убийство вельмож без санкции султана, то убийца или тот, кто побудил его к этому, лишался жизни. Так был убит двоюродный брат сери Акар Раджи из Паханга за то, что он убил правителя Теренггану и Сиака (рассказы 25, 26). Все эти эпизоды отражают типичную картину жизни двора и недвусмысленно показывают, что члены правящей династии — потенциальные претенденты на престол — были опасны друг для друга и для самого властителя. Столь же остро складывались отношения между пра-

⁸⁷ *Тхор С.В.* Свод законов «Унданг-унданг Мелака».

вителями княжеств. То и дело вспыхивали междоусобные войны между Малаккой и Пасаем, Малаккой и Ару, Ару и Пасаем, Пераком и областью Манджунг (рассказы 24, 26).

Дворец султана является основным местом действия, но им не ограничивается описание жизни Малакки. Со страниц этого памятника Малакка предстает как многолюдный торговый порт с разнообразными товарами и пестрой толпой торговцев из разных стран. Непрерывные базары тянулись от кварталов Аир Лилих до Куала Муара и от индийского квартала (Танджунг Келинг) до квартала Куала Пенаджуха. Говорится также, что в Малакке было девять (в другом месте — девятнадцать) лакс жителей, т.е. девяносто или сто девяносто тысяч жителей (рассказ 32). Мы узнаем такие подробности из жизни города, как распространение воровства и борьба с ним во время правления султана Ала-уд-дина Риайят Шаха (рассказ 23), о пожарах и строительстве новых дворцов (рассказ 16), о сносе многочисленных лавочек, портящих внешний вид Малакки (рассказ 33). Кое-какие сведения сообщаются и об этническом составе города. Особый его квартал — Танджунг Келинг (букв. «Мыс Келинга») — занимали выходцы из Индии. Индийские торговцы сумели составить влиятельную партию при султанском дворе, которая некоторое время определяла политику малаккских султанов. Многие торговые операции в городе производились индийскими купцами, в руках которых сосредоточились большие золотые богатства (рассказ 33). Прибывший в Малакку в 1509 г. португалец Дьюгу Лопиш ди Сикейра отмечал, что индийцы доставили премного славы Малакке⁸⁸. Китайцы также составляли значительную часть населения Малакки и занимали особый квартал — Букит Чина — «Китайский холм» (рассказ 15).

Ряд живых эпизодов из городской жизни, в том числе и ночной, реалистические бытовые подробности, комические ситуации, в которые попадают высокопоставленные персонажи, придают дополнительный колорит мозаичной картине быта нравов того времени, конкретизируют и расширяют представления об эпохе, которую называют «золотым веком» Малайи.

Выше говорилось о ритуальной жизни двора, по описанию которой *Сулалат-ус-салатин* нет равных в средневековой малайской литературе. Но помимо этого в нем повествуется об обрядах жизненного цикла, где представлен материал из народной обрядности. К ним относятся такие обряды, как омовение ребенка (наследника) на седьмой день, стрижка первых волос, наречение имени, подношение на сороковой день после рождения детских принадлежностей (в произведении — желтого цвета). Перед свадьбой совершается обряд сватовства, главным моментом которого является предложение стороне невесты бетеля. Обрядо-символическая роль бетеля и бетелевой смеси для жевания очень ярко вырисовывается из текста: предложение бетеля непременно сопровождало ряд церемоний — обручения, свадеб, официальных ритуалов, предложение отведать бетель из государевой чаши было знаком высшего благоволения, а в случае улаживания конфликта было актом дружеского примирения.

Один из кульминационных моментов свадьбы — восседание новобрачных на ложе, а на самой свадьбе — обязательное кормление жениха и невесты друг друга рисом (рассказ 26). Все это широко распространенные у малайцев и других народов малайско-индонезийского региона обряды, исполняемые как султаном и его высокопоставленным окружением, так и простыми людьми.

Насыщенность сведениями, отражающими особенности государственного и социального устройства малайских государств, придворного ритуала и городского быта, церемоний возведения на престол, дипломатических приемов, развлечений, народной обрядности, делает этот памятник надежным источником для историко-бытового изучения

эпохи не только больших свершений, но и большого драматизма — стремительного складывания, расцвета и столь же стремительного крушения Малаккского султаната.

Все упомянутые выше сведения, иногда подробные, а иногда очень скудные, подтверждаются традиционными институтами и представлениями, которые в самой Малакке не сохранились, но почти в неизменном виде продолжали свое существование в других малайских княжествах вплоть до XIX в. Многие из них подробно осветил придворный правитель Келантана, пребывавший на этой должности в течение тридцати лет. Он отметил, что правила придворного этикета обязаны были знать все, даже неграмотные малайцы⁸⁹. Следы средневекового этикета и ритуального поведения сохраняются и в современной Малайзии⁹⁰.

Что касается собственно исторических событий, происходящих в малайском мире и за его пределами, которым уделено основное внимание в произведении, то они требуют более осторожного и критического отношения. Чтобы определить, в какой степени можно доверять сведениям исторического характера, сообщенным в памятнике, надо каждый раз сверять их с историческими свидетельствами иного порядка — археологическими, эпиграфическими, данными из других исторических произведений как самого малайско-индонезийского региона, так и иноземных хроник и документов⁹¹.

Следуя традиционной композиционной схеме историографического сочинения, автор-современник должен был изложить все то, что было известно до него. Поэтому основной исторический сюжет — изображение событий эпохи Малаккского султаната — получает свою предысторию. Композиционно *Сулалат-ус-салатин* распадается на две части: домалаккский период малайской истории (рассказы 1–10) и история Малакки (рассказы 11–34). Все повествование состоит из отдельных, законченных в смысловом отношении рассказов, причем в каждом из них могут развиваться несколько тем. Даты отсутствуют. Предыстория разворачивается как далекое прошлое малайского мира, как крупнейшие исторические вехи, отделяющие древность от средневековья.

Малаккские князья считали себя преемниками правителей Шривиджайи — империи, охватывавшей большую часть Суматры и ряд областей на Малаккском полуострове и Яве. Этого названия в средневековом памятнике нет, но вся предыстория Малаккского султаната мыслится как история древнемалайской империи Шривиджайя. И независимо от того, говорится ли в нем о событиях, относящихся ко времени сложения первых государственных образований, или о событиях, современником которых автор мог быть, и те и другие приобретают силу исторического факта только при подтверждении их данными из других источников.

В «доисторической» части памятника есть немало высказываний, которыми не стоит пренебрегать, так как они были уже в наше время подтверждены некоторыми изысканиями археологов, лингвистов, историков. Ограничусь двумя примерами. В рассказе 1 сообщается, что раджа Суран — персонаж романа об Александре — повелел высечь на камне индийские письмена. Это место может вызвать ассоциации с санскритскими надписями, встречающимися во многих местах Малайи и Индонезии, особенно если иметь в виду, что имя раджи Сурана восходит к имени правителя южноиндийской династии Чолов. Но не лишено оснований и другое предположение:

⁸⁹ Ghazzali Dato Muhammad. Court Language and Etiquette of the Malays // JRASMB. 1933. Vol. XI. Pt. 2. P. 273–287.

⁹⁰ Ревуненкова Е.В. Заметки о малайском этикете // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. Л., 1985. С. 202–223; Бодрова Ю.В. Некоторые особенности этикетности малайского языка // Этнография, история, культура стран Южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 196.

⁹¹ Ревуненкова Е.В. Историко-географические и этнографические сюжеты в малайском средневековом произведении «Седжарах Мелайю» // Страны и народы Востока. Вып. XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 2. М., 1972. С. 260–274.

в данном случае речь может идти о древнемалайских надписях, высеченных на камнях южноиндийским шрифтом паллава, которые относятся к начальному этапу существования Шривиджай, и некоторые из них посвящены победоносным действиям ее правителей. Шесть из этих надписей были обнаружены еще в начале XX в. в районах Палембанга, Джамби и на о. Бангка и датируются 683 и 686 гг.

В рассказе 6 говорится о могильных камнях из Калинги, т.е. Индии. Действительно, в начале XX в. в Пасае были обнаружены надгробные каменные плиты, на которых под арабскими изречениями скрывались фрагменты изображений индуистского стиля. Плиты оказались камбайского происхождения (Гуджарат) и были вывезены из индуистских и джайнистских храмов⁹².

Имеются в *Сулалат-ус-салатин* сведения, расшифровка которых дополняет очень скудные данные о древней и средневековой истории отдельных княжеств Малаккского полуострова, Суматры, Калимантана и даже Явы: Самудры и Пасая, Ару и Перлака, Патани, Кедаха Тренгану, Брунея и др. (рассказы 5, 7, 9, 11).

Основное содержание памятника посвящено изложению событий своего времени. Поэтому из него можно получить некоторые сведения о том, как складывалось Малаккское государство. Одни земли были завоеваны в сражениях (княжества Паханг, Патани, Кампар), другие добровольно уступлены яванским правителем под угрозой вторжения малайских войск (Индрагири, Сиантан). В присоединенных к Малаккскому султанату княжествах на престол вступали родственники султана или связи между правителем завоеванного княжества и малаккским султаном закреплялись посредством династических браков: так, в Кампаре и Паханге правителями стали сыновья Музаффар Шаха (рассказ 18), в Сиаке на престоле оказался сын придворного, женившийся на дочери султана Мансура Шаха (рассказ 17). Почти все исторические события, повествующие об образовании султаната, представлены с явной целью прославить могущественных малайских правителей. Поэтому не может не удивить та легкость, с которой склоняются к «пыли ног высокочтимого властителя» правители других княжеств, и те покорность и смирение, которые испытывают перед малаккскими султанами китайский император, сиамский король или индийский раджа. Совершенно определенная политическая идея сказалась не только в характере освещения ряда фактов, но и в сознательном умолчании и пропуске подробностей, не украшающих достойных личностей. В произведении не говорится, каким путем вступил на престол Малакки ее первый правитель — Искандар Шах. Между тем из других источников, прежде всего португальских, известно, что он убил сингапурского князя, узурпировал власть в Сингапуре и захватил Малакку⁹³.

Естественно, что при интерпретации исторических событий, о которых говорится в *Сулалат-ус-салатин*, надо принимать во внимание интересы придворной историографии и политическую конъюнктуру того времени. Но сведения исторического характера требуют к себе осторожного отношения главным образом потому, что они настолько обросли вымыслом и фантазией, что во многом потеряли свой фактологический или хроникальный характер. В сущности, здесь мы имеем дело с особым пониманием истории и особым историческим сознанием эпохи малайского средневековья, которое опирается на неписаную историю и тесно взаимодействует с фольклором.

Р.О. Уинстедт, в целом очень высоко оценивая литературные достоинства *Малайских родословий*, отмечал, что автор этого памятника разукрасил свои рассказы выдержками из народных преданий, в частности о том, как изумились малайцы при ви-

⁹² *Moquette J.R.* De grafsteen te Pase en Grisse vergeleken met dergelijke monumenten uit Hindoestan // TBG. 1912. D. 54. Afl. 5–6. Blz. 536–538.

⁹³ *The Suma Oriental*. P. 238–242; *Холл Д.Дж.Е.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958. С. 156.

де португальских пуль, хотя у самих малайцев в 1511 г. уже были пушки⁹⁴. Я бы сказала, что это слишком лаконичное и осторожное признание. Подлинно историческое в этом произведении не просто «разукрашено» народными преданиями. Мифологические, сказочные, легендарные сюжеты пронизывают все повествование, являются неотъемлемым компонентом памятника, а исторические события нередко приурочиваются к бытовавшим в то время сказаниям или буквально растворяются в них.

Выражаю глубокую благодарность и признательность всем, кто с готовностью предоставил мне малайскую рукопись и своим благожелательным отношением, помощью и советами создавал мне все условия для работы с нею: директору СПбФ ИВ РАН, доктору исторических наук И.Ф. Поповой, доктору исторических наук М.И. Воробьевой-Десятковской, доктору исторических наук З.А. Юсуповой, кандидату исторических наук Н.Г. Сафоновой, хранителю рукописей в Архиве Н.Д. Путинцевой.

Сокращения

BTLV — Bijdragen tot de Taal, Land- en Volkenkunde. 's-Gravenhage
 ИИ — An Introduction to Indonesian Historiography / Eds. Moh. Ali Soedjatmoko, G.I. Resink, G.МсТ. Kahin. Ithaca—N.Y., 1965
 JA — Journal asiatique. P.
 JIAEA — Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia. Singapore
 JRASMB — Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. Singapore
 JRASSB — Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society. Singapore
 TBG — Tijdschrift voor (Indische) Taal, Land- en Volkenkunde. Batavia
 VBG — Verhandelingen van Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. Batavia

Summary

E.V. Revounenkova

Krusenstern's Malay Manuscript: Its Cultural and Historical Importance

The paper of E.V. Revounenkova deals with the famous Malay manuscript of historical content *Sulalat-us-Salatin* (15th–16th centuries), which had been brought to Saint Petersburg by the outstanding Russian sailor Ivan Feodorovitch Krusenstern; since 1802 its place was first the Library of the Academy of Sciences, since 1818—the Asiatic Museum; its Library turned to be the Archives of the Saint-Petersburg part of the Russian Academy's Institute for Oriental Studies. The paper contains a minute description of the manuscript; its content is analysed in the most detailed way; special attention is paid to the peculiarities of writing; the text is compared with other manuscripts of *Sulalat-us-Salatin*—with those extant in the archives and libraries all around the world; the Saint-Petersburg manuscript is compared to the best edited versions of the same Malay text. The analysis permits the author to conclude that the text of the famous Malay chronicle that was brought by Krusenstern reflects two stages of its existence: (a) that which can be called “genuine”—pertaining to the author himself, (b) the other shows traces of different editorship; thus it can be regarded as one close to the primeval text, it is doubtlessly one of the earliest copies—though it dates to 1798. The paper also reveals the importance of this monument for our knowledge of every-day life, historical and ethnographical details of medieval Malaya.

⁹⁴ *Winstedt R.O.* A History of Malay Literature. P. 107; *Винстедт Р.О.* Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы / Предисл. и примеч. Б.Б. Парникеля. М., 1966. С. 81.

